

Copyright © 2020 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher. Series A
Has been issued since 2010.
E-ISSN 2224-0136
2020, 11(3): 159-208

DOI: 10.13187/er.2020.3.159
www.erjournal.ru

How to Return the Sociology and Economics to the Family of Objective Sciences? Criticism of the Current State of Humanitarian Knowledge. Part I

Yuri A. Privalov ^a, Michael I. Ojovan ^{b, *}, Mikhail B. Loshchinin ^c

^a Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

^b Imperial College London, South Kensington Campus, Exhibition Road, London, UK

^c Center of Social Expertise, Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine

Abstract

Socio-economic science has not revealed the objective structure of society: it has not recognized and does not study the objective unavoidable poverty, ignores the working class, and has not established the objective properties of the hierarchy of power. The objective boundaries between poverty and prosperity, between prosperity and luxury are undisclosed, which discredits the social policy of states. Social science imposes on society the subjective criteria of poverty, a fictitious category of the middle class, and false parameters of inequality, designed not to identify, but to mask huge social problems. Humanitarian science has not clarified the content of socio-economic relations, including solving the problem of exploitation, which has brought incalculable sacrifices to the world. Socio-economic science has withdrawn itself from the development of ethics, effectively losing the right to be called humanitarian.

Socio-economic knowledge limited itself to a special status and self-isolated itself from the family of objective sciences, did not find the basic empirical phenomena, and eventually turned out to be a fruitless non-empirical branch. Within the framework of humanitarian knowledge, there are no fundamental studies aimed at finding the relationships of nodal categories and general laws, including the topology of the socio-economic space, the ignorance of which is destructive for developed science. There are no theories of the most important categories including family, capital and capitalism in the humanities, there is no analytical formula where dimensional categories are linked in a stable manner. Socio-economic knowledge did not develop the theory of social evolution and was unable to understand the phenomena of historical degradation of the labor communities and demographic transition – the most tragic events in modern human history.

Keywords: sociology and economics, crisis, empirical foundations, unsolved tasks.

1. Введение

В контексте данного исследования социально-экономическим или гуманитарным знанием мы называем, прежде всего, экономическую науку и социологию (а также демографию в ее составе), полагая их ведущими, «задающими тон» в большом блоке гуманитарных отраслей, куда отнесены еще этнография, история, философия и другие.

* Corresponding author

E-mail addresses: m.ojovan@imperial.ac.uk (M.I. Ojovan), pyacsep@gmail.com (Yu.A. Privalov), loshchinin.m.b@mail.ru (M.B. Loshchinin)

В силу служебных обязанностей и научного интереса соавторы предлагаемого исследования на протяжении многих лет занимались обработкой и интерпретацией больших баз социально-экономической (далее «с.-э.») информации. Пытаясь найти ответы на проблемы теоретического восприятия новых эмпирических феноменов, авторы испытали все более возрастающие чувства удивления и разочарования. Удивления от того, что в с.-э. литературе отсутствуют ответы на вопросы, казавшиеся элементарными. Например, какова функциональная связь капиталов (человеческих и промышленных) и порождаемых ими потоков благ? Или: почему чем больше город, тем выше доходы (расходы, накопления) его жителей? Или: объективен ли средний доход, или он – результат «классовых битв» с непредсказуемым итогом? Или: как выгода покупателя от приобретения блага соотносится с прибылью его производителя?

А разочарование возникало потому, что с.-э. знание столетиями игнорирует острейшие проблемы, породившие социальные революции и гражданские войны и погубившие в итоге десятки миллионов людей. Боязнь острейших проблем, по нашему мнению, является общей бедой мировой гуманитарной науки и представляет впечатляющий контраст естествознанию, где поисковые работы, наоборот, концентрируются вокруг крупных противоречий и нерешенных проблем – точек роста объективного знания. Например, гуманитарной науке до сих пор не известно, эксплуатируют ли предприниматели своих работников и в какой степени, или они каким-то образом взаимовыгодно сотрудничают. Например, не ясно, каким должно быть оптимальное социальное неравенство и по какому параметру.

Со временем список осознанных нами нерешенных проблем возростал, и стало ясно, что в гуманитарной науке (в социологии и экономическом знании) имеет место общесистемный кризис непродуктивности, главная причина которого (по нашему мнению) – особый статус этой отрасли знания и фактическое отсутствие эмпирических оснований. Когда-то, во времена А. Смита (конец 18 века) прикладная экономическая наука выглядела солиднее современной ей прикладной физики. В частности, экономисты создали национальные системы бухгалтерского учета и государственных финансов. Достижения физики в конце 18 века еще не охватывали все общество.

Вспоминая истоки экономической науки, напомним заглавие первой части книги Смита. Оно выглядит как завет родоначальника своим потомкам: «Причины увеличения производительности труда и порядок, в соответствии с которым его продукт естественным образом распределяется между различными классами народа» (Смит, 2000: 79). Смит призывал исследовать «естественные распределения»!

Во времена О. Конта (середина 19 века), когда зарождалась социология, физическая наука была уже весьма развитой отраслью, лидером наук. Ее наивысшие прикладные достижения – паровые машины – получили серьезную теоретическую поддержку и стали повсеместными, и уже тогда появились первые двигатели внутреннего сгорания и первые электродвигатели, стал массовым электротелеграф и заработало электроосвещение. Важно отметить, что отцы-основатели социологии (сначала О. Конт, затем Г. Спенсер и Э. Дюркгейм) ставили задачу становления социологии («социальной физики») как объективной полноценной отрасли знания, подобной «позитивным наукам». Однако эта установка не была достигнута по ряду причин, в т.ч. объективных, которые мы намерены обсуждать далее.

В социологии тенденция к обособлению нарастала постепенно, она заметна уже в начале 20-го века в работах Ф. Тённиса, М. Вебера и особенно Г. Зиммеля, когда обострился конфликт между установкой на «классическую» науку, подобную естествознанию, и установкой на обособленную методологию. Тогда разделение наук обозначалось категориями «естественные науки» – «науки о культуре, истории, обществе», «классические» – «социально-исторические», «науки о природе» – «науки о духе», «логико-экспериментальные (эмпирические) науки» – «метафизика», «науки точные» – «науки неточные». Здесь мы использовали терминологию М. Вебера, В. Парето и Л. Мизеса. После Л. Вальраса, который верил, что «экономическая теория есть наука, во всех отношениях подобная наукам физико-математическим», Парето был из числа последних борцов за «экспериментальную социологию, подобную химии, физике и иным близким к ним наукам» в конце 19 – первой четверти 20-го века, ссылаемся на его «Компендиум» (Парето, 2008: 14).

Тем не менее, в этой работе, изданной в 1920-м, Парето не упоминает об открытом им за 23 года до этого (в 1897) важнейшем эмпирическом феномене – степенном распределении богатых домохозяйств Европы. Прошла еще сотня лет, и специалисты естественных наук нашего времени в с.-э. творчестве своего коллеги Парето-инженера не находят ничего, кроме степенного закона. Конечно, уже тривиален его «круговорот элит». Может быть, уже не впечатляет «равновесие по Парето». Исчезли из оборота его классификация логичных и нелогичных содействий и его «residuo-derivazioni». Но велик и притягателен «закон Парето», быстро забытый автором.

Обособление гуманитарных наук в конечном итоге победило, и современный авторитетный социолог Э. Гидденс убежденно полагает, что «в общественных науках нет и не будет универсальных законов» (Гидденс, 2005: 30). Знаменем обособления гуманитариев стала позиция Л. Мизеса, продвигаемая с середины 20-го века, ссылаемся на его обобщающую книгу «Теория и история» и приводим три цитаты (Мизес, 2001: 71-73). Первая: «естественные науки, направляемые их необходимым априорным детерминизмом, предполагают, что закон должен проявлять себя в каждом индивидуальном случае, и делают обобщения с помощью того, что называется индуктивным выводом». Вторая: «Еще никому не удавалось поделить разных людей на классы, каждый член которых ведет себя в соответствии с одной и той же моделью». Третья: «Возможно, когда-нибудь естественные науки и будут в состоянии описать физические, химические и биологические явления, которые в теле человека Ньютона необходимо и неизбежно порождают теорию гравитации». Уверенная ирония Мизеса происходила от незнания или непризнания им основ современной ему физики, но подобные заблуждения пропагандировались и переориентировали многие умы. Похожим образом через навязывание ложной методологии уводились в сторону или запрещались гуманитарные науки в СССР. И не только гуманитарные, если вспомнить судьбу генетики и кибернетики.

К настоящему времени познавательные возможности («удивиться, описать, объяснить, предсказать») гуманитарных и естественных наук полярно разошлись (почти цитата, см. (Гидденс, 2005: 9)). В пределах своего предмета естествознание может почти все, гуманитарное знание почти везде бессильно. Бессилие гуманитарного знания особенно тревожно потому, что в середине текущего 21 века завершается всемирный демографический переход – прекращение роста человечества, которое, как мы ожидаем, омрачится небывалой концентрацией с.-э. проблем. Нас тревожит неготовность гуманитарной науки осознать масштаб и многообразие предстоящих социальных потрясений и, тем более, неготовность к их минимизации.

Если социологию и экономическое знание оценивать формально, то надо признать, что они живут бурной содержательной жизнью. В их рамках появилось множество узких дисциплин, защищаются диссертации, проводятся конференции, издаются журналы, работают институты. Каждый год с.-э. тезаурус пополняется десятками новых категорий. Но не суета ли это? Каков итог? Если сравнить потоки пионерских исследований, публикуемых в Докладах Академии наук США, то число работ по с.-э. тематике составляет около 5 % от числа работ по естествознанию. В современной гуманитарной науке как бы нет новых идей. Популярны книги физиков, космологов, вирусологов, генетиков продают на вокзалах и аэропортах и они интригуют, как детективы. Но почему не книги экономистов и социологов?

Вряд ли бы мы предприняли этот анализ, если бы не почувствовали близость нашей позиции и тревог известного экономиста В. Леонтьева о кризисе экономического знания, которыми наполнены его «Экономические эссе», изданные в период 1966-1985 (Леонтьев, 1990: 21-26, 59, 62-70, 84-99, 265-277). В своей речи как президента Американской ассоциации экономистов в декабре 1970 Леонтьев в частности сказал: «Слабое и слишком медленно растущее эмпирическое основание явно не может обслуживать быстро развивающуюся надстройку чистой или, если так можно выразиться, умозрительной экономической теории...» (Леонтьев, 1990: 266). Характерны ключевые слова, которые использует Леонтьев в этом докладе. (1) Эмоции: «тревоги, озабоченность, беспокойство, неудовлетворенность, положение дел нечестное, есть что-то скандальное». (2) Критика теории: «неадекватность научных средств, умозрительная научная теория, умозрительная экономическая теория, незначительные результаты». (3) Проблемы эмпирики: «слабое

эмпирическое основание, медленно растущее эмпирическое основание, скудный запас фактов, обрывочный эмпиризм, отсутствие необходимых первичных данных, несопоставимые данные – ненужные данные, приток новых данных, расширить и углубить эмпирический фундамент». Потребность экономистов в притоке первичных данных Леонтьев полагает такой же насущной, как и потребность физиков-ядерщиков в гигантских ускорителях. И полагает необходимыми не только миллионы долларов ежегодных вложений в создание «громоздкой статистической машины», но и привлечение большого числа специалистов-статистиков. Отметим долговременный интерес экономистов к критической позиции Леонтьева (Гранберг, 2006: 485). Как мы видим, проблема эмпирических оснований оказывается центральной.

С тех пор прошло полвека, но умозрительность с.-э. знания только возрастает. Стоит упомянуть некоторые недавние выступления гуманитариев о кризисе науки. Нобелиат-2018 П. Ромер в статье «Беда с макроэкономикой» о математическом моделировании писал, что проблема состоит «не столько в том, что макроэкономисты говорят вещи, которые несовместимы с фактами. Настоящая проблема заключается в том, что другим экономистам все равно, что эти экономисты не заботятся о фактах. Равнодушная терпимость к очевидным ошибкам еще более губительна для науки, чем приверженность к ошибкам» (Ромер, 2016).

В статье А. Ковалева о кризисе экономической теории, опубликованной в журнале Института экономики РАН, используются в частности такие критические характеристики (Ковалев, 2018): «кризис предмета науки, категориального аппарата, целей и инструментария исследований; превалирование метода над предметом; предмет анализа – не реальная экономика, а теоретическая реальность; теория неспособна ни предсказать, ни объяснить; проблема методологии науки; ограниченность объяснительной способности; радикальное снижение объяснительной способности; необоснованное абстрагирование; отрыв науки от хозяйственной практики и от реального мира; отсутствие вразумительного объяснения кризиса 2008 года; модели включают неизмеряемые переменные; модели перестали опираться на реальность».

В книге «Методология экономической науки» в заключительной главе «Выводы» известный историк экономической мысли М. Блауг как итог всего материала своей книги обсуждает почти исключительно проблему кризиса современной экономической теории. Ссылаясь на похожие мнения коллег, в т.ч. на В. Леонтьева, Г.Ф. Брауна, Д. Уорсвика, Б. Уорда, скептический Блауг даже заостряет их критику: «главная слабость современной экономической теории как раз и состоит в нежелании строить теории, дающие однозначно опровержимые выводы, которое сопровождается общим нежеланием сравнивать эти выводы с фактами» (Блауг, 2004: 358). Теории «сбалансированного устойчивого роста», которые как флаг витают над мировым сообществом, Блауг характеризует как скорее «логические головоломки», а не позитивную науку. Теории потребительского поведения, по его мнению, не имеют существенных результатов, несмотря на то, что им «посвятили свои усилия многие выдающиеся экономисты» (Блауг, 2004: 359-360). Далее Блауг не менее жестко оценивает «ошибочную расстановку акцентов» в теориях заработной платы, основанных на предельной производительности, а также бесплодную теорию общего равновесия и теории игр, которые не способны генерировать проверяемые гипотезы. Блауг, ссылаясь на аналогичные мнения коллег – Б. Уорда, П. Кенена, Р. Солоу, указывает на проблему массового недобросовестного использования эмпирических данных, когда экономисты-теоретики учитывают только удобные им факты. Блауг указывает на опасность принципиального игнорирования эмпирических данных со стороны «поздних приверженцев австрийской школы, радикалов, институционалистов и марксистов», а также со стороны «экономистов неоклассического основного течения», которые уважают эмпирику только на словах (Блауг, 2004: 365-366).

По нашему мнению, экономическая наука и социология действительно стоят перед опасностью вырождения – неконтрольного неограниченного роста бесплодных спекулятивных ненаблюдаемых неverifiedируемых категорий с формированием фатальной неспособности к пониманию и предсказанию феноменов с.-э. реальности. Наш рецепт – вернуть гуманитарное знание в семью стандартных объективных наук. Но как это сделать?

Решающим импульсом к нашему анализу явилась книга М. Сажина «Современная космология», впервые изданная в 2002 и до сих пор успешно продаваемая. В книге Сажина

детально анализируются эмпирические основания новой синтетической отрасли знания «микрокосмофизики», выросшей на стыке астрономии и ядерной физики в основном с 50-х годов 20-го века. Это наука о сотворении Мира – глубокая, быстро развивающаяся и вызывающая всеобщий интерес отрасль. Оказывается, микрокосмофизика построена на весьма коротком списке надежно установленных эмпирических фактов (Сажин, 2002: 14-35). И почти все из них были событиями в мировой науке.

Напомним некоторые, дополненные нами. (1, 2) Отклонение света звезд вблизи Солнца и феномен гравитационных линз – большие массы искривляют физическое пространство. (3, 4) Красное смещение в спектре звезд и монотонная зависимость величины смещения от расстояния до звезды – Вселенная нестационарна и быстро расширяется в результате грандиозного Большого Взрыва, имевшего место в ее прошлом. (5) Реликтовое радиоизлучение – свидетель образования атомов водорода на этапе рекомбинации плазмы и установления радиопрозрачности в ходе остывания горячей Вселенной. (6, 7) Крупномасштабная структура Вселенной: огромные пустоты между сверхскоплениями галактик и плоская форма сверхскоплений – свидетельство гравитационной квантовой неустойчивости Вселенной на ранних этапах расширения. (8) Преобладание легких элементов в специфической концентрации – свидетельство предсказуемого синтеза химических элементов в начале расширения горячей Вселенной. (10) Анизотропия температуры, спектральных и волновых характеристик реликтового радиоизлучения в разных угловых масштабах – главный ньюсмейкер космологии в начале 21-го века. (11, 12) Открытие «стандартной свечи» – воспроизводимой яркости взрыва «сверхновой звезды» в старой звездной системе, и обнаружение на этой основе нелинейности красного смещения: чем больше красное смещение, тем нелинейно больше расстояние до звезды – Вселенная расширяется с ускорением. (13) Обнаружение пульсаров – массивных звезд со скоростями вращения до нескольких тысяч оборотов в секунду, что свидетельствует об их нейтронной природе, когда гравитационное сжатие из-за недостатка массы останавливается на полпути к черной дыре. (14) Обнаружение квазаров – ранних галактик с супертяжелыми черными дырами в их составе – из числа самых ярких и самых отдаленных объектов во Вселенной.

Разумеется, стали всемирно известными открытия последних лет: (15) обнаружение гравитационных волн в результате слияния черных дыр и нейтронных звезд и (16) прямое наблюдение черной дыры как темного пятна в центре яркого аккреционного диска. Подчеркнем идею Сажина, важную в нашем контексте: «основной источник прогресса космологии – развитие современной наблюдательной техники» (Сажин, 2002: 10). Именно о подобном источнике прогресса гуманитарных наук в виде «громкой статистической машины» безуспешно мечтал Леонтьев.

Предмет гуманитарных наук – сотворение Общества, что (применительно к интересам людей) не менее значимо, чем сотворение Вселенной. К сожалению, не известно ни одного с.-э. феномена, обнаружение которого было мировым событием. Сам этот факт являет какую-то крупную проблему гуманитарного знания, требующую осмысления. Даже маргиналистская революция, которой были склонны гордиться экономисты, оказалась узкопрофессиональной методической подвижкой конца 19-го века, но не событием всемирной важности. Неужели гуманитариям нечем удивлять просвещенную публику? Но, может быть, гуманитарии сами перестали удивляться, поскольку не могут надежно различать знание и незнание? Заметим в этой связи, что, в отличие от физики и других отраслей естествознания, в гуманитарной науке нет списков решенных и нерешенных проблем. Более того, трудно представить, что такого рода списки могут появиться в ближайшее время. Наверное, здесь было бы уместно упомянуть, что первый список не решенных физикой проблем опубликовал И. Ньютон летом 1717 года, когда переиздавал свою «Оптику». Он был вполне уверен в том, что знает и чего не знает современная ему «натурфилософия».

Наша задача – попытаться найти совокупность эмпирических фактов, описание и объяснение которых окажется способным радикально преобразить гуманитарную науку. Разумеется, в призыве опереться на с.-э. эмпирику мы не оригинальны – и Гидденс, и Леонтьев, и Парето, и Тённис, и множество других специалистов-гуманитариев склонялись к тому же. Проблема лишь в том, что нам следует принять за образцы. Вообразим, что мы перенесли на полтора-два века в прошлое, и у нас появилась возможность с нуля создавать

гуманитарную науку. Будем ли мы снова закладывать в базис социологии и экономической науки те же абстрактные категории, которые предполагают неявные определения, ненаблюдаемые характеристики и не имеют прямых эмпирических свидетельств? Какие эмпирические феномены мы положили бы в основание науки, чтобы творческий процесс ученых-гуманитариев был продуктивным и принес в итоге скорое и наиболее полное понимание общества и рынка? Похожий процесс закладки оснований происходил в естествознании в 17-18 веках, когда формировались идейные, методологические и эмпирические основы астрономии, механики, физики, химии. И фундамент этот тоже не сразу строился, но здоровыми оказались осознанные в то время общие принципы: опора на опыт, а также объективность и независимость науки от власти – светской и духовной. Напомним, что именно в 17-м веке в противостоянии Г. Галилея с католической инквизицией состоялся принципиальный разрыв науки и всевластной (в то время) церкви и сформировался курс на объективность естествознания.

Разумеется, междисциплинарный творческий коллектив соавторов данного исследования не претендует ни на полноту анализа проблем гуманитарных отраслей, ни на полноту проекта их реформирования. Все это должно быть результатом многолетних усилий большого числа специалистов, прежде всего социологов и экономистов. Мы ставим более скромную цель – обозначить проблему и предложить проект ее возможного решения. По этой причине нам не следует углубляться в систему гуманитарного знания в поисках мелких упущений и ошибок. Наша задача – назвать важнейшие социально значимые проблемы, не поддавшиеся современной гуманитарной науке, а также предложить эмпирические факты, не вовлеченные в современное гуманитарное знание, но претендующие на фундаментальность. На самом деле нас бы очень утешили те оппоненты, которые убедили бы нас и читателей, что мы ошибаемся, а состояние с.-э. науки здраво и адекватно современным требованиям.

Чтобы осознать масштабы и глубину идейного кризиса и актуальность поиска базовых эмпирических феноменов, назовем направления с.-э. анализа, где современные с.-э. науки показывают удручающую беспомощность. Признаки нестроения гуманитарного знания сведены в [Таблицу 1](#); их анализ изложен в последующих разделах.

Таблица 1. Основные признаки нестроения гуманитарного знания

№	Признак нестроения гуманитарного знания
1	Фатально невозможен структурный анализ общества
2	Неуверенность в содержании с.-э. отношений
3	Игнорирование крупнейших исторических гуманитарных вызовов
4	Отсутствие фундаментальных исследований
5	Отсутствие фундаментальной этики
6	Отсутствие фундаментальных демографических исследований
7	Отсутствие теории с.-э. пространства и его топологии
8	Методологические тупики в гуманитарном знании
9	Объективные причины особого статуса гуманитарного знания

2. Обсуждение и результаты

Фатально невозможен структурный анализ общества

Структурная катастрофа

Социологи и экономисты категорически бессильны назвать объективные органы социального организма. Современный структурный анализ общества не является общепризнанным (в разных странах и научных школах называют разные структурные единицы) и не является цифровым (предлагают разные числовые критерии). В основу структурного анализа не положены какие-либо объективные феномены, он откровенно субъективен. Например, уже скоро 30 лет, как России и Украине навязали концепцию среднего класса, но мы так и не знаем, как его определять из объективных статистик. Мы не уверены уже и в прежних социальных структурах: а есть ли рабочий класс? Позитивен ли

он? Есть ли объективная группа «инженерно-технических работников»? Есть ли «профессионалы»? И кто такие «бедные» – социальная группа или несчастные?

Сложившийся познавательный тупик может быть назван «структурная катастрофа». Здесь мы применили термин, аналогичный термину «ультрафиолетовая катастрофа», который более столетия назад был применен в физике для оценки неспособности классической теории описать эмпирический спектр излучения нагретого тела в области высоких частот. Проблема теории теплового излучения казалась тогда «малой тучкой» на фоне блестящих достижений классической физики, но была разрешена весьма радикально – путем отказа от классической физики и созданием физики квантовой.

Если сравнить с физиологией, на протяжении тысячелетий уверенной в структурном анализе живых организмов, то отставание от нее гуманитарного знания составит те же несколько тысяч лет. Показательным критерием структурной катастрофы является отсутствие каких-либо практических рекомендаций по объективному структурному анализу общества со стороны гуманитарной науки в адрес статистических ведомств. По нашему мнению, одна только «структурная катастрофа» была бы достаточным основанием для пересмотра всего современного с.-э. знания.

Структурное бессилие с.-э. знания – беда такого же масштаба, как отсутствие в современном естествознании таблицы химических элементов Д. Менделеева, если бы такое вдруг приключилось. Вообще, сравнение структурного анализа в гуманитарных и естественных науках было бы полезным. В физике и химии уже к середине 19-го века сложилось современное представление об атомах как наименьших носителях химических свойств. Упомянутый периодический закон свойств химических элементов был опубликован Д. Менделеевым в 1869. В 20-ом веке произошел грандиозный рывок науки вглубь атома (обнаружены электроны, протоны, нейтроны), затем прояснилась структура протонов и нейтронов (идентифицированы 6 типов кварков). В процессе познания структуры были обнаружены, исследованы и гармонизированы носители взаимодействия, элементарные и составные частицы, всего их уже свыше 350.

Важно, что радикальное преобразование претерпели методы теоретического анализа и моделирования: в течение 20-го века сначала появились Квантовая механика и Квантовая электродинамика, затем Квантовая хромодинамика, после этого настал черед объединяющих теорий. Первой появилась Теория электрослабых взаимодействий, за ней последовала Теория Великого объединения. В 21-м веке настает пора Теории квантовой гравитации, пора ее сочетания с Теорией Великого объединения и превращения в «Теорию всего». Подчеркнем – речь идет о верифицируемых теориях, поскольку параллельно развивается весьма утонченный дорогостоящий инструментарий и нарабатываются обширные эмпирические данные.

Помимо погружения вглубь материального мира в естественных науках весьма интенсивно шло познание сверх-атомарных структур: низкомолекулярных и высокомолекулярных соединений, органелл клеточных структур, органов живых организмов, генома животных и растений, кластеров, кристаллов и кристаллитов, фазного состава материалов, ближнего и дальнего порядка, линейных, планарных и объемных композитов, гетероструктур и т.д., и т.д. Самым большим объектом исследования оказалась вся Вселенная, и успехи в ее понимании грандиозны. В современном гуманитарном знании нет ни одного достижения, сопоставимого с успехами любой малой отрасли естествознания, что бы мы не взяли в качестве объекта для сравнения.

Заметим важное: теория и набор эмпирических данных взаимно обуславливают друг друга. Невозможно создать широкую продуктивную с.-э. теорию, не располагая разнообразными большими базами с.-э. информации. Нет возможности развить какую-то узкую теорию, не располагая подходящим под нее набором эмпирических данных. Критерии структуры, дефиниции структурных единиц зависят от методов идентификации неоднородности. Дефиниция рабочего класса, или среднего класса, или профессиональной группы, или иерархии, или бедности должны зависеть от соответствующих методов их идентификации; дефиниции вторичны, а методы-идентификаторы первичны, но не наоборот!

Структура – это воспроизводимая неоднородность целого, выявленная каким-то объективным способом. Например, некорректно перебирать спекулятивные абстрактные

социальные группы в поисках «гаранта стабильности». Все объективные органы социального организма должны гарантировать его стабильность. Иммунная система животных позитивна? А следственные органы, МВД и система исполнения наказаний? – Конечно! Но не все экономисты готовы включить в ВВП расходы на содержание тюрем и доходы от легальной проституции. В обществе в пределах установившихся социальных норм не может быть социально-негативных органов точно так же, как нет физиологически-негативных органов в организмах животных. Объективные сущности утрачивают этические оценки! Например, объективная бедность не может быть социально негативной точно так же, как объективная роскошь. Структурный анализ статистические ведомства должны выполнять без участия социальных аналитиков, а их компьютеры – без участия операторов. Это нонсенс, когда структурный анализ общества становится авторской привилегией, пусть даже авторитетных персон.

В ходе эволюции физической науки изменению подверглась философия связи атомарно малых единиц: классическая физика исходила из разного рода сил, а квантовая физика содержанием отношений микросущностей называет обмен носителями поля. И в этом смысле квантовая физика на удивление близко подошла к существу отношений участников общества – взаимовыгодный обмен благами.

В связи со становлением квантовой физики в начале 20-го века стало ясно, что все законы физики, точностью которых склонны восхищаться экономисты, работают только статистически, т.е. в среднем по ансамблю или по времени! Известный физхимик И. Пригожин назвал «новой рациональностью» этот крупнейший феномен. Л. Мизес напрасно обвинял физическую науку в детерминированности, от которой она давно отошла. Например, траектория движения единичного электрона может весьма сильно отклоняться от того, что предсказывает теория Д. Максвелла и П. Дирака, но когда перемещаются миллиарды электронов, то их средняя траектория инфинитезимально мало отличается от предсказаний электродинамики. Мы полагаем, что закономерности в гуманитарной науке будут иметь ту же методологию.

Оборотной стороной «новой рациональности» или «квантовой неопределенности» является проблема верификации или истинности: является ли единичное отклонение опытных данных от предсказаний теории основанием для признания этой теории неудовлетворительной? – Оказывается, что не является. Теория отвергается только в случае взаимного несоответствия предсказанных и измеренных средних величин.

Отметим также, что открытия последних лет в квантовой физике указывают на дальнейшую эволюцию концепции объективного. Ньюсмейкерами в этом направлении стали Л. Саскинд, а также М. Пройетти с коллегами. Когда объектами исследования оказываются особые квантовые объекты типа черных дыр или отдельные элементарные частицы и их малые группы, то специфика физических явлений такова, что разные наблюдатели могут представить несовпадающие результаты, а это ставит под сомнение объективность наблюдения. Пусть физики решат и эту проблему, она подобна уже понятиям корпускулярно-волновому дуализму и «новой рациональности», которые в свое время тоже угрожали представлениям об объективном. Аналогичные явления, без сомнения, имеют место и в гуманитарной сфере.

Итак, естествознание в конце 19-го – конце 20-го веков совершило грандиозный рывок в структурном анализе своего предмета. Что мы имеем в том же периоде в гуманитарном знании? – В середине 19-го века марксисты назвали две главные структурные единицы общества – рабочий класс и буржуазию. Было указано на их взаимный антагонизм. К концу 20-го века социологи называли чаще всего средний класс и предпринимателей, подчеркивая их склонность к партнерству. Рабочий класс как фигурант теории в начале 21 века уже никого не интересует и уже не ясно, существует ли он вообще. Тем не менее, средний класс не получил объективных признаков и методов идентификации, несмотря на то, что его родословную пытаются возвести от времен Аристотеля. Методы социального анализа за последний век совершенствовались, но принципиальных изменений, аналогичных имевшим место в физике, они не претерпели. Главное – они не стали объективными, т.е. не зависимыми от сознания ученых и администраторов. Мы должны констатировать глубочайший застой в гуманитарной науке в части структурного анализа.

1.2. Непризнание бедности как способа жизни

Продолжением структурной катастрофы является непризнание бедности как способа жизни. Бедность объявляется позором власти и несчастьем людей, предметом социальной опеки. Между тем в состоянии массовой бедности человечество провело подавляюще большую часть своего исторического времени. Непризнание фундаментальности выживания не только жестко отрицает преемственность современного человека по отношению к его же отцам, дедам, прадедам, жившим в условиях массовой бедности, но отрицает также связь человека с животным миром. Напомним: жизнь всего живого на Земле – это выживание, и биосистема Земли процветает в состоянии выживания. И только homo sapiens опрометчиво стремится к жизни в достатке. Не признавая фундаментальность выживания, мы отрицаем преемственность современных обществ массового достатка с предшествовавшими им обществами массовой бедности.

Непризнание бедности означает в том числе, что ее не изучает с.-э. наука. Время от времени в СМИ России обнародуются скандалы, когда чиновники называют приемлемыми какие-то малые персональные доходы, например 7 тыс. руб/мес (при современной цене крупы от 20 до 100 руб/кг). Общественность, проживающая преимущественно в больших богатых городах, возмущается самим фактом признания столь малого дохода со стороны официальных лиц. Между тем в России миллионы людей живут на подобные (и в т.ч. более низкие) денежные доходы. Как они живут? – Это не исследуется наукой! Посредством ничтожных «смешных» доходов не только поддерживается жизнь самих этих бедных людей, но удерживаются поселения и территории, поддерживаются родственные связи, воспитываются дети и внуки. Как? – Современной гуманитарной науке это так же не ясно, как современной космологии – жизнь на Марсе.

Если бедностью назвать продолжительный предельно малый поток обмена человека с природной и социальной средой, то в состоянии бедности перманентно неустранимо находится до половины населения самых развитых стран – дети и старики, инвалиды, младшие (рядовые) военнослужащие, заключенные, начинающие работники, большинство мигрантов, а также ленивые и добровольно избравшие бедность. Непризнание бедности такого рода равносильно непризнанию мигрантов, инвалидов, детей, стариков и им подобных в качестве людей. Правительства «развитых» стран по рекомендации социальных практиков ставят задачу ликвидации бедности, что так же бессмысленно и нереально, как если бы физики ставили задачу ликвидации атомных ядер. Или как если бы физиологи ставили задачу ликвидации какого-то «неприличного» органа в организмах животных, например кишечника или мочеполовой системы.

Невнимание к бедности так же опасно, как незабота об опорах мостов и фундаментах высотных сооружений. Бедность, как мы полагаем, – базисное состояние общества, и надо старательно следить за социальным здоровьем этого ответственного социального органа; речь идет прежде всего о побуждении бедных людей к труду, уважении ими социальных ценностей, законопослушании. Немаловажно и физическое здоровье бедных. Опасно перекармливать бедность подачками, подарками, трансфертами, льготами, пенсиями, стипендиями, доплатами, социальными гарантиями, потому что от бедности идет трудовая дорога дальше вверх по обществу. Не будет труда и нравственности в бедности, труд и нравственность исчезнут везде! Производительная мощь современного человечества опасна не только производительным оружием, производительным потоком промышленных и бытовых отходов, производительными промышленными и транспортными катастрофами. Она особо опасна перепроизводством благ, ожирением тел и дестимулированием душ в бедности – там, где бодрость духа и трудолюбие рук, ответственность и здравомыслие не должны были бы замирать никогда.

Непризнанные малые параметры

Феномен неустранимой фундаментальной бедности зримо и незримо присутствует в с.-э. анализе. Например, Д. Рикардо в своей работе «Очерк о влиянии низких цен зерна» 1815-го года зарплату работников оценивал в зерновом эквиваленте. Например, для сравнения ценностей разных стран все чаще применяют атрибут выживания – цену Бигмака (стандартного сэндвича), а не атрибуты достатка – средний доход, ВВП на душу населения или курс национальной валюты. Недавно была предложена аналогичная характеристика в виде килограмма стандартного плова. Памятуя об исключительной

важности малых размерных констант в физической науке, параметры бигмака и плова можно было бы считать «первоцветами» в обновленной гуманитарной науке. Однако если на их особую важность прямо не укажет социальная теория, то через короткое время они снова окажутся затерянными и затененными в густых зарослях «гуманитарного сорняка».

К сожалению, в гуманитарном знании мы не обнаруживаем тенденций к поиску объективных характеристик общества и рынка, в том числе малых параметров с размерностью «люди» и «ценности» («поток ценностей»). У специалистов-гуманитариев нет «вкуса» к объективным параметрам. Между тем посредством малых размерных параметров не только создается продуктивная теория пространства, но реализуется также статистические модели, вводящие в анализ не менее продуктивную функцию энтропии. В настоящее время «социальная энтропия» применяется в с.-э. литературе как характеристика социального хаоса; разумеется, она не вводилась строго и появилась, как контрафакт из-под прилавка. Восприятие энтропии как меры хаоса было характерно для естествознания во второй половине 19-го века. Свойство энтропии сопутствовать созданию новых структур в неравновесных статистических ансамблях (как бы творческое свойство энтропии) было осознано в химии и физике усилиями И. Пригожина сравнительно недавно – в середине 20-го века, и эти идеи еще не успели освоить гуманитарии.

Спекулятивные параметры бедности вместо фундаментальных

Из-за вековых привычек к умозрительности, в с.-э. теории легко приживаются рукотворные числовые категории, в т.ч. характеризующие бедность. Например, прожиточный минимум (порог бедности) и минимальная зарплата. Гуманитарии уверенно оперируют этими категориями. Между тем они не являются результатами наблюдения и обработки объективной статистики о доходах и расходах выживающих людей. Критерии бедности пытаются назначать, исходя из умозрительных представлений о том минимальном наборе благ, который был бы нужен бедному человеку или домохозяйству. А затем критерии бедности утверждают в ходе тяжелых аппаратных совещаний высших чиновников, где соизмеряются социальная ответственность власти и возможности госбюджета, поскольку критерии бедности влияют на масштаб социальной помощи бедным слоям населения. Пусть прожиточный минимум (порог бедности) и минимальную зарплату придумали и используют политики, но науке-то зачем они нужны?

Своевольное обращение с фундаментальными величинами – тяжкое преступление в любой объективной науке. Разве можно представить, чтобы заряд электрона как минимальный квант электричества (равный $e_0 \approx 1,6 \cdot 10^{-19}$ Кл) принимался представителями власти? – На конференциях по согласованию физических констант специалисты могут обсуждать несколько последних разрядов величины элементарного заряда, полученной эмпирическим путем. Например, в числе $e_0 \approx 1,6021766208 \cdot 10^{-19}$ Кл два последних разряда (цифры «0» и «8») могут согласовываться или даже временно постулироваться, поскольку заряд электрона является фундаментальной величиной и входит в формулы для вычисления других констант. Можно ли себе представить, что подобным ответственным образом будут обходиться с параметром выживания беднейшего населения – малым денежным доходом или малым потоком килокалорий пищи?

Спекулятивная инфляция вместо фундаментальной

В контексте объективной эконометрии бедности следовало бы отметить фундаментальную (по нашему мнению) проблему оценки инфляции по товарам массового спроса. В наше время именно так, по товарам из «потребительской корзины достатка», сравнивают уровни цен и вычисляют инфляцию. В России в группу товаров-представителей включаются, в том числе, бытовая техника, автомобили и золотые украшения, и это всемирная методология. Подчеркнем, что инфляцию обычно рассматривают как социально-негативный фактор, а рост уровня достатка традиционно считают социально-позитивным. Между тем рост средней зарплаты в промышленности приведет к росту инфляции, рассчитанной по технически сложным товарам достатка. Налицо противоречие системы этических оценок, порожденное на самом деле объективным само-разделением масс народа на выживающих и среднедоходных.

Чтобы устранить этическое противоречие, инфляцию надо вычислять по товарам выживания, ранжируя их долю по частоте реального использования самими выживающими. Для этого, ни много ни мало, придется (1) отказаться от спекулятивного «прожиточного минимума», а также (2) признать и изучать реальную бедность – городскую и сельскую. Разумеется, характеристики выживающего населения окажутся разными на разных региональных рынках. В больших промышленных регионах выживание будет дороже, в бедных малолюдных сельских – дешевле. Инфляция, как обычно, должна вычисляться как средневзвешенная величина или привязываться к конкретным рынкам.

Непризнанный малый человеческий капитал

Из-за непризнания фундаментальной роли бедности, рывок молодежи из бедности к достатку оказывается незамеченным. Специалисты-гуманитарии как бы не ведают, что малый человеческий капитал может быть полезен, и посредством этой полезности молодой небогатый работник, как на крыльях, покидает притяжение бедности и влетает в гуцу современного городского общества. Ущерб пониманию центральных механизмов самоорганизации социума, связанный с непризнанием и игнорированием бедности, огромен. Представим, что в механике нет понимания реактивных сил и движения с переменной массой – этими вопросами когда-то увлекался школьный учитель К. Циолковский. – Не будет тогда ракетных двигателей и многоступенчатых ракет, не будет и космонавтики! Полагаем, что теория малого человеческого капитала, когда она появится в гуманитарном знании, будет иметь не меньшую значимость, чем теория реактивного движения в космонавтике.

Неясная граница «бедность-достаток»

Проблема полезности человеческого капитала акцентирует неясность различия бедности и достатка, которая не осознана в гуманитарном знании. Что такое бедность? Где на шкале доходов кончается бедность и начинается достаток? – Это загадки сфинкса. Если принять во внимание, что курс на достаток (или благополучие) населения наряду с преодолением бедности составляет первоочередную широко афишируемую задачу многих современных правительств (в т.ч. России, Великобритании и Украины), то непонимание, игнорирование и невыяснение различия бедности и достатка дезориентирует власть и дискредитирует ее усилия.

Сам факт, что категория достатка еще не осознана специалистами как антитеза выживанию, свидетельствует, по нашему мнению, о слепоте с.-э. теории, которая ощупью плетется вслед обыденному сознанию и затрудняется увидеть крупнейшие феномены. Нет народа на Земле, который был бы доволен уровнем своего благополучия! И тем более нет народа, довольного своей бедностью. Но специалисты (социологи, экономисты) должны знать методы и иметь базы данных, чтобы надежно распознавать выживание и достаток и находить им количественную меру.

Семья как непризнанная трудовая общность

Выживающими в наше историческое время являются (по нашему мнению) сельские семьи в бедных аграрных странах или в периферийных непромышленных регионах развитых стран. Бедным сельским семьям, выживающим посредством своего коллективного труда, нужны дети-работники. А достаток городов достигается посредством индивидуального труда горожан, когда обузой оказываются не только дети, но и сама семья. Загадка сфинкса об атоме общества решается несложно: в фазе выживания атомом является трудовая семья, а в фазе достатка – трудящийся индивид. Если исследователь не различает выживание и достаток, он не разрешит проблему социального атома. Полагаем, что мы называем почти очевидные признаки, но их, как редкие жемчужины, как полупризнания, приходится напряженно извлекать из толстых академических изданий и учебников во много сот страниц, где сравнительный анализ трудовых функций и детности сельских и городских домохозяйств, казалось бы, должен проходить «красной нитью».

Например, в учебнике МГУ «Социология семьи» в главе 4 «Социология семьи в России» (Соколова, 2007: 123-150) пространно обсуждаются правовые и половые отношения, но вовсе отсутствует исторический анализ трудовой миссии нашей семьи. Казалось бы, материалистическое понимание истории – проверенная и еще не всеми забытая методология, да и семья – прежде всего трудовой коллектив. По крайней мере, после распада родового строя сельская семья была незаменимым инструментом жизни

наших предков пару последних тысяч лет. Тем не менее, в главе 4 не рассматривается уникальное свойство коллектива упрочнять социальные действия составляющих его людей, не приводится какая-либо статистика, выявляющая исторические тенденции и эволюцию нашей семьи, но как бы в итоге со ссылками на молодого П. Сорокина дается заключение: «особенность семьи как хозяйственного целого – семейное производство – прекращает свое существование с развитием капитализма» и еще: «Замкнутое натуральное хозяйство отдельной семьи теряет всякий смысл. Домохозяйство, в котором члены семьи производят для себя пропитание, одежду, обувь, все необходимое, по сути дела, исчезает» (Соколова, 2007: 136). Итак, рождение семьи после распада родов и племен не рассмотрено и не упомянуто, эволюция размеров семьи не описана, но констатируется ее распад.

Главными причинами кризиса российской семьи названы рост плотности населения и экономический рост, а также вмешательство и давление государства (Соколова, 2007: 135-136). – Так ли? А распад родового строя по этим же причинам состоялся? Подумаем: сначала распались род и племя, теперь распадается семья: через два однотипные события уже можно провести единый тренд. Весьма вероятно, что размеры домохозяйств исторически убывали всегда, ссылаемся на самодеятельного историка и демографа С. Ершова (Ершов, 1997: 130-166) за неимением более свежей систематизированной информации от профессиональных исследователей. В свою очередь, Ершов ссылается на десятки косвенных литературных источников (в значительной мере 19-го века), сведения из которых свидетельствуют о той же исторической тенденции уменьшения размеров домохозяйств. По-видимому, процесс деградации трудовых общностей, к которому проявили интерес Л. Морган, М. Ковалевский и Ф. Энгельс, после распада родового строя непрерывно продолжался далее и к нашему времени довел нашу семью до 2,6 человек. Доведет и до единицы, было бы время – такова была бы естественная гипотеза. Жаль, что этот грандиозный процесс никак не обозначен в главе 4.

Мы имеем неожиданную аналогию с реликтовым радиоизлучением: в момент установления радиопрозрачности спектр радиоволн соответствовал температуре около 3000 градусов Кельвина. Это был интенсивный красный жар, идущий со всех сторон Вселенной, как из огромной плавильной печи. Если бы в то время были каменные планеты, они были бы жидкими. По мере расширения Вселенной температура радиоизлучения падала, и в настоящее время она составляет всего 2,72548 °К – символ космического холода. Наша неполная слабая исчезающая семья – жалкий потомок мощных дружных пассионарных трудолюбивых воинственных родов, населявших наши земли тысячелетия назад.

Посмотрим на высокие бревенчатые или каменные стены крепостных сооружений там, где от них что-то сохранилось. Посмотрим в музеях на тяжелые длинные остовы судов, ходивших по нашим рекам и морям. Посмотрим на наши бескрайние поля «средней полосы» – их когда-то расчистили от непролазных лесов. Все эти циклопические труды совершили наши предки. Однако теоретические и эмпирические тренды к ним наши гуманитарии не проложили! Между тем современные космологи способны соединить одним трендом текущее состояние реликтового радиоизлучения и отстоящую от нас на 13,8 млрд. лет Вселенную в момент Большого Взрыва.

Сто лет спустя после заявления П. Сорокина о распаде (кризисе) домохозяйств России, они не исчезли, а продолжают свою историческую деградацию. Это значит, помимо прочего, что российская держава не столько губитель семьи, сколько акушер и крестник, спасающий то малое, что в наших семьях еще нарождается.

В главе 5 «Исторические изменения семьи» того же учебника (Антонов, 2007: 155-190) материалистическое понимание феномена семей как субъектов хозяйствования неоднократно подчеркивается. Упомянут важный этап «выделения отдельных семей из рода» (Антонов, 2007: 163), что позволяет нам предполагать единую сущность племен, родов и семей – все они «трудовые общности». Феномен упрочнения, возникающий во многолюдном (многодетном) домохозяйстве, отмечен, хотя и не назван прямо. Например, на с. 159: «увеличение численности семьи прямо определяло ее благосостояние»; на с. 160: «участие детей в домашних делах, в производстве поощряли потребность в многодетности, поскольку польза от детей явно перекрывала издержки»; на с. 161: «многодетность и высокая рождаемость обусловлены экономическими причинами, а именно полезностью

большого числа детей для семьи»; на с. 164: «большая семья живет богато»; на с. 169: «репродуктивное поведение крестьян при феодализме определялось потребностью в многодетности, обусловленной прежде всего семейным производством». Еще пример на с. 170 со ссылкой на Ю. Бессмертного и тот же текст на с. 172, но без ссылки: «чем самостоятельнее был крестьянин, тем больше был размер его семьи; у крепостных, находящихся в полурабском положении, размеры семьи были весьма малы». Как итог там же на с. 172: «Высокая рождаемость в докапиталистических формациях была обусловлена семейным производством и сильной экономической мотивацией рождения детей. И если в ходе общественного развития семейное производство начинает разрушаться – рождаемость понижается».

Тем не менее, на с. 163 находим почти опровержение: «залогом процветания большой семьи был не столько ее размер (численность), сколько демографическая структура». Более того, в главе 5 на с. 162, 164 толерантно приводится мнение оппонента – демографа А. Вишневого, не признающего экономической потребности в детях-работниках. Что же в результате: есть феномен умоощнения, возникающий во многолюдной дружной семье, или нет? Нужны ли семье новые работники или ей нужна «демографическая структура»? И если размеры семьи исторически убывают (несмотря на пользу детей!), то по какой причине? Какие глубинные механизмы способствуют, а какие противодействуют росту размера домохозяйства?

Прямым ответом на этот вопрос могла бы стать осмысленная статистика параметров домохозяйств (размеров, общего и удельного объемов производимых благ, обеспеченность удобствами и т.д.), особенно ретроспективная, но она не приведена! Не исключено, что какой-то важной статистики нет вовсе, но и это не упоминается. Принципиальнейшая проблема исторической эволюции семьи оставлена без эмпирических свидетельств и их теоретического обобщения. Возникает ощущение, что в эмпирических данных нет и нужды. Между тем, как мы упоминали, размер трудовой общности мог бы быть сквозным параметром между мощными племенами наших предков и еле живой современной семьей, точно так же, как температура реликтового радиоизлучения оказалась сквозным параметром всей эволюции Вселенной. Почему упускаются крупнейшие феномены и открытия общенаучного «всемирно-исторического» значения? Почему нет острой реакции («взгляда тигра») профессиональных гуманитариев на принципиально важные вопросы?

Сравним: ради получения и обобщения опытных данных специалисты естественных наук совершают подвиги трудолюбия. Например, современные карты Вселенной содержат сведения о расположении и светимости 1,6 млн. галактик. В карты они внесены поштучно и почти вручную. Сотни тысяч звезд нашей собственной Галактики табулированы одна за другой. Звездные каталоги находятся в постоянном обновлении, которым дружно заняты десятки обсерваторий. И теперь мы знаем, как наша Галактика выглядит со стороны, например из соседней галактики Андромеды. Нет сомнения, что число экономистов и социологов многократно превосходит число астрономов и космофизиков, по крайней мере в пределах России, Великобритании и Украины, но где результаты их усилий по созданию и развитию больших баз эмпирических с.-э. данных?

Может быть, противоречивая информация об эффективности многолюдных домохозяйств и отсутствие обсуждения исторической убыли их размеров объясняются опасностью постановки еще более сложной проблемы: почему размеры домохозяйств исторически уменьшаются, а общая численность населения больших регионов исторически растет? Это противоречие удваивает объем эмпирических и теоретических исследований, удвоятся и проблемы, удвоятся и оппоненты. Неужели продолжительная самоизоляция гуманитарных наук от тяжелой эмпирической работы породила творческую лень?

Не различая бездетного достатка и детородного выживания, гуманитарная наука оказывается неспособной осознать фатальную опасность необратимой депопуляции России, Украины, Европы и всего человечества. Публично высказанные опасения социологов об угрозе всеобщей депопуляции остаются единичными и растворяются в бездумно-оптимистичном шуме. С благодарностью помянем доцента МГУ В. Медкова как одного из немногих. Приводим его мнение. «Человечество уже вступило в период депопуляции, оказавшись в невиданной ранее ситуации, когда все прежние представления о демографической динамике и о её последствиях потеряли (или теряют) свою актуальность».

Всё большее число стран вступает на этот гибельный путь, путь депопуляции. В конце его – или исчезновение человечества как такового, или его превращение в нечто, сходное с мрачной машинизированной утопией Олдоса Хаксли. И пусть нас не утешают мысли о том, что до этого ещё далеко – этот «прекрасный новый мир», мир клонов, киборгов и биороботов уже здесь, на пороге... И если ничего не предпринимать, он наступит быстрее, чем мы думаем» (Медков, 2006). Таким образом, оборотной стороной современного массового благополучия, к которому стремятся правительства «развивающихся» стран и которым гордятся правительства «развитых» стран, оказывается смертельная опасность катастрофического падения рождаемости – всемирного бесплодия народов по социальной причине. Удивительно, что роковыми для судеб мира «единством и борьбой» бедности и достатка, детородности и бесплодия не заинтересовалась именно гуманитарная наука.

Семья не имеет теории

Более полутора века семья людей является объектом социологии, однако теория семьи представлена только в виде разнообразных неэвристичных классификаций. Как мы убедились, трудовая миссия семьи почти не рассматривается, особенно в контексте исторической эволюции трудовых общностей. И даже организация семейного быта называется одной из десятка других задач. Внимание гуманитариев сосредоточилось на типичной для нашего времени малодетной неполной нетрудовой исчезающей городской семье.

Отсутствие верифицированных теорий фирм, семьи и трудовых коллективов – катастрофа даже большая, как если бы в технической физике не было теорий коллективных феноменов, например, теории твердого тела. Теория коллективных явлений в физике за последнее столетие стремительно разрослась и в настоящее время включает в себя теории базисных элементов микро- и оптоэлектроники – диодов, фото- и светодиодов, лазеров, варикапов, тиристоров и транзисторов, фазовращателей и резонаторов, линий задержки, элементов памяти, световодов, нелинейных преобразователей частоты и т.д., и т.д., объединяемых теорией полупроводников и физической оптикой. Теориями коллективных явлений наполнено все материаловедение: теории прочности, теории упругости, теории сплавов, теплопроводности, сверхпроводимости, фазовых переходов, магнитов и много-много чего еще.

Вдумаемся в парадоксальное: каждый специфический элемент современных электронных и оптронных устройств, а их тысячи, имеет свою теорию, но семья людей – самый важный элемент общества и главнейший фигурант социальной эволюции – свою теорию не получила!

Коллектив и фирма так же неисчерпаемо неясны, как и «атом общества»

Мы упоминали о неясности минимальной структурной ячейки («атома») общества – это индивид или семья? Но, может быть, – трудовой коллектив? Тогда выделен ли объективно «атомарный» коллектив? Мы уже упоминали, что с.-э. знание бессильно ответить на эти вопросы. Список структурных проблем реально еще шире. Объективны ли фирмы? Что определяет число работников, которых они привлекают?

Теория фирмы, предложенная Р. Коузом почти век назад, выводит эффективность (и необходимость) фирм из экономии трансакционных издержек работников. Но почему в таком случае образуются стада и стаи у животных? Трудовые соглашения животные не оформляют и издержек по этим статьям не несут. Коуз не решал проблему численности трудовых коллективов, несмотря на очевидную нацеленность фирм на объединение людей в совместном труде. Коуз не выводил фирмы из самостоятельных артелей людей. Поэтому он не моделировал связь объемов производства и численности персонала, что можно было бы изучать через статистические отчеты фирм. Коуз пытался словесно объяснить размеры фирмы, но не ставил задачу моделирования распределения всех фирм по их размерам, что тоже можно было бы сопоставлять с эмпирическими данными. Важнейшая проблема решалась без оглядки эмпирику.

Вот очередной вопрос сфинкса: посредством какого механизма фирмы-участницы большого регионального или национального рынка формируют степенные распределения по объемам продаж? На эти «элементарные» вопросы нет ответа ни в работах Коуза, ни в более поздних попытках построения теории фирмы. Историки экономической мысли называют «управленческие» и «поведенческие» модели, «специфичность активов», «командное производство», «модели обмена подарками» и другие. Ни одна из попыток

построения теории фирмы не привела к верифицируемому результату. И ни одна концепция фирмы не моделировала объединение людей в совместном труде.

Неясный ненужный грандиозный социальный капитал

Заметим интригующее: организованный менеджерами или само-организованный коллектив имеет производительную мощь (социальный капитал в дефиниции П. Бурдьё), многократно превосходящую суммарную мощь (сумму человеческих капиталов) равного числа независимых персон. Дружные коллективы имеют колоссальную эффективность! Коллективы выгодны! Именно такого рода коллективы используют предприниматели, оплачивая труд каждого работника так, как будто он работает индивидуально. Разумеется, социальный капитал трудовых коллективов справедливо присваивают предприниматели, потому что именно они организуют свои трудовые коллективы. Удивительно, что столь крупные феномены оказываются не замеченными ни в теории капитализма, ни теории фирмы, ни в теории семьи.

Соцкапитал не осознан как атрибут массовых трудовых отношений. Категория соцкапитала появилась более века назад как характеристика социальной сплоченности, и это было вполне здоровое рождение. Однако далее она не нашла продуктивного применения в гуманитарной науке, и в настоящее время соцкапитал ассоциируют с «готовностью прийти на помощь незнакомым людям». Наверное, такое принижение соцкапитала можно было бы назвать черным юмором социальных теоретиков. Между тем соцкапитал – такое же «рабочее тело» экономической машины, как физический и финансовый капитал. Как пар в машине Дж. Уатта.

Средний человеческий капитал работников может оказаться единицей измерения и социального, и физического капиталов. Позволим себе догадку, что если такое измерение когда-то состоится, то социальный капитал большого трудового коллектива какой-то крупной фирмы колоссально превзойдет ее физический капитал, например в тысячи или в десятки тысяч крат, ссылаемся на наши предварительные оценки (Лощинин и др., 2016: 157-219). Иное дело, что в процессе реального производства социальный капитал оказывается избыточным ресурсом и используется своей ничтожной частью. Социальный капитал в наше время нам представляется такой же таинственной мощью, какой представлялась ядерная энергия ровно столетие назад – в 20-е годы 20-го века. Социальный капитал может так же колоссально превышать капитал физический, как ядерная энергия – химическую.

По причине ожидаемого радикального превосходства соцкапитала над физическим, можно предполагать, что соцкапитал может быть не только «рабочим телом» или «активным веществом», но и самим «паровым котлом», если продолжить сравнение с машиной Уатта. Учитывая ожидаемые порядки величин, соцкапитал можно уподобить сверхпрочному корпусу атомного реактора, удерживающему внутри себя огромные мощности современных физических капиталов.

Несредний средний доход

Неожиданно острой структурной проблемой в последнее время стала величина среднего дохода. В середине 2019 года в России она составила около 49 тыс. руб./мес. Высшее руководство России стало смущаться, публично обсуждая этот параметр. Дело в том, что массам народа известны «заоблачные» доходы высокопоставленных чиновников, именитых спортсменов и известных артистов, старших менеджеров и богатых собственников. Хорошим ориентиром масштаба доходов богатой части современного российского общества являются факты экономических преступлений, когда ущерб, инкриминируемый одной персоне, составляет многие миллиарды рублей. Отсюда ясно, что добавление к миллионам небогатых людей нескольких десятков тысяч экстремально богатых существенно повышает средний наблюдаемый доход, и он утрачивает содержательность – мы опять имеем среднюю температуру больных в больнице. Сколько же зарабатывают «простые люди» в России? Как далеко они отстоят от границы с роскошью? – Науке это не известно, потому что наука не может найти объективную границу между скромным «простым народом» и нескромно богатой властью. В гуманитарной науке нет теории среднего дохода!

Неясность границы «достаток-богатство»

Несколько ранее аналогичная неясность границы между достатком и богатством стала принципиальной проблемой принятия и применения закона о налогообложении недвижимости в России. Где кончается народ и начинается собственно власть в России? Или в любой иной стране мира? Что такое «средний человек» и чем он отличается от «статистически среднего человека» не известно и мировой науке – и в Германии, и в Италии, и в Испании, и где угодно. Откроем книгу британца Э. Гидденса о «структурировании» (Гидденс, 2005): конечно же, там нет информации о разграничении бедности, достатка и богатства хотя бы в Англии. Неясность структуры общества становится существенным препятствием для с.-э. менеджмента. Проблема познания структуры предмета универсально важная в любых науках. Представить невозможно медицину, не знакомую с анатомией человека или не уверенную в анатомии. Это была бы не медицина. Тем не менее, современные социология и экономическая наука именно таковы.

Социальное неравенство как социальный фарс

Из-за неясности самой нижней структурной единицы общества (бедности) и самой высокой структуры (наивысшего статуса в иерархии самых богатых) мониторинг и восприятие социального неравенства превратились в фарс. «Линейку» для определения размера общества, как оказалось, не к чему приложить! Для оценки неравенства стали применять непрямые, некритичные к структуре, неаддитивные и весьма нелинейные технологии. В результате неравенство стало измеряться странными лукавыми числами.

Например, совокупное неравенство доходов домохозяйств на уровне 0,4 Джини считается большим, ссылаемся на статью в Википедии (Википедия, 2019), причем в то же время парциальное (отдельное) неравенство только среди самых бедных граждан может составить 0,5 Джини, расчеты публиковал В. Яковенко для модели выживающих индивидов, и наши анализы это тоже подтверждают. Например, неравенство по технологии децильных интервалов может составить полтора десятка, и в узком кругу специалистов это тоже считается большим неравенством (Википедия, 2019).

Между тем «непредубежденный наблюдатель» ожидает услышать о неравенстве в десятки тысяч или даже в миллионы крат. Если разделить богатства самых богатых (их публикует Форбс) на накопление средней семьи (средний человек его может оценить сам), то получится число порядка миллиона. И это еще не все неравенство, самых бедных мы еще не учли. Если же поделить доходы самых богатых персон на средний доход рабочих промышленности, то получатся числа порядка ста тысяч, и это тоже без учета самых бедных. Извращенная статистика неравенства не только маскирует, забалтывает и уводит в дебри схоластики извечные страсти вокруг самого феномена неравномерного распределения благ, но индицирует несостоятельность структурного анализа общества.

Непассионарность теоретиков социальной структуры

На фоне взрывного расширения представлений о структурах, имеющем место в естественных науках, гуманитарии как бы смирились с отсутствием статданных и моделей социальной структуры и спокойно живут с этой огромной брешью в теле науки: не объявляют конкурсы, не выделяют гранты и не проводят конференции для решения или хотя бы ради обсуждения проблемы непознанной неведомой социальной структуры.

Интересно сравнить пассионарность былых и нынешних руководителей научных отраслей. В 1818 году в связи с неспособностью корпускулярной теории И. Ньютона объяснить всю совокупность наблюдаемых световых явлений, Французская академия наук объявила конкурс для объяснения свойств света. Конкурс происходил в обстановке оккупации Франции Союзными армиями после их победы над Наполеоном, страна выплачивала огромную контрибуцию. С.-э. условия были похожими на наши 90-е годы. Тот конкурс выиграл бедный больной малоизвестный тридцатилетний инженер О. Френель. В наше время это имя в комментариях не нуждается. Плоские линзы Френеля коробейники каждый день продают в наших пригородных электричках. По кольцам Френеля шлифовали линзы харьковские детдомовцы – герои Педагогической поэмы А. Макаренко. Но не будь того конкурса, наверное, мы не узнали бы о Френеле и о его гениальных находках в ходе выяснения природы света – Френель умер от туберкулеза через 9 лет, в 1827-м.

Неуверенность в содержании с.-э. отношений

«Рука» социального позитива по-прежнему не видима

Гуманитарная наука не уверена не только в списке участников с.-э. отношений. Ей не ясно содержание с.-э. отношений. Еще со времен А. Смита мотиватором рынка (и, по умолчанию, мотиватором всего общества) полагают персональный эгоизм каждого участника с.-э. отношений. «Экономические агенты» стремятся к наибольшей личной выгоде, и ни к чему более – так принято полагать. В этике народов мира эгоизм рассматривается как терпимая, но в целом негативная категория. Сообщество людей в таком случае должно быть социально негативно. Но это не так – реальное общество и реальный рынок намного «теплее» тотального эгоизма, общество привлекательно, общество полезно! Смит, осознававший позитивность общества и рынка, недостающий позитив сформулировал как «невидимую руку», которая каким-то образом подправляет, смягчает и компенсирует всеобщий эгоизм «экономических агентов». Экстравагантная категория «невидимой руки» долго кочевала по учебникам и монографиям и в наше время уже дошла до словарей, но ее смысл так и не был раскрыт на протяжении почти двух с половиной столетий после первой публикации «Богатства народов».

Нет теории парного процесса

Казалось бы, решение проблемы позитивной этики лежит на поверхности и состоит в признании взаимной выгоды парных товарно-денежных отношений. Нет взаимного эгоизма, а есть взаимная выгода! Но вот беда: с.-э. знание не создало модель парного с.-э. процесса. Предчувствие позитивности с.-э. отношений не закреплено теоретически! Прибыль производителя благ – признанная и широко освоенная категория. Выгода покупателя – почти освоена; ее под именем «потребительский излишек» разрабатывали выдающиеся экономисты, в т.ч. Ф. Эджуорт, А. Маршалл и Дж. Хикс. Парадоксально, что прибыль производителя блага и прибыль его покупателя теоретики не объединили в качестве двух симметричных сторон одного и того же парного процесса купли-продажи. Само слово «парный» не является ключевым для поисковых систем в сфере с.-э. анализа! Парного процесса в с.-э. теории как бы нет, и это несмотря на то, что за ничтожными исключениями все сделки на рынке являются парными.

Тем не менее, в монографии Дж. Бьюкенена и Г. Таллока «Расчет согласия», посвященной теории демократии (!), находим раздел «Простая модель заключения сделки двумя индивидами» (Бьюкенен, 1997: 133-136), где в условиях свободной конкуренции рассмотрен процесс купли-продажи абстрактных благ между двумя субъектами рынка, похожими скорее на фирмы. Приведена диаграмма («ящик») Ф. Эджуорта, которая не доказывает и не моделирует, но иллюстрирует возможную симметрию продавцов и покупателей, а также веру авторов во взаимовыгодность сделок. На самом деле большинство фирм являются участниками иерархии бизнеса и их отношения не могут быть свободно-конкурентными. Подавляюще большая доля суммы сделок происходит именно в рамках взаимно-зависимых отношений! Сохраняется ли в иерархиях симметрия продавцов и покупателей? И всегда ли? Создается ли в момент обмена новая стоимость?

Если новая стоимость создается, то какова ее величина и как она делится между продавцом и покупателем, превращаясь в прибыли (выгоды, излишки) участников парной сделки? Если парный процесс не нарушает равновесие, то он должен сопровождаться не только созданием новой стоимости, но и диссипацией (амортизацией) прежних накоплений. Как соотносятся новая стоимость, капиталы участников и их амортизация? Наши вопросы – риторические, на них нет ответа. Над философией парного процесса размышляли Смит и Маркс, а затем со временем волшебство парной сделки перестало завораживать теоретиков.

Нет теории эксплуатации

И вот еще неясность: мы догадываемся, что парный процесс может обернуться ущербом для одного из партнеров и аномальной выгодой для другого – тем, что мы интуитивно могли бы назвать эксплуатацией. Есть ли объективные предпосылки к эксплуатации? Как избежать эксплуатации, если она возникает? – Нет ответа. К большому сожалению, в гуманитарной науке нет ни теории взаимовыгодного партнерства, ни теории его антипода – эксплуатации в парном с.-э. процессе. Не чувствуется и теоретическая подготовка к наступлению на эту проблему: не подобран подходящий эмпирический материал, не введена в научный оборот категория вновь созданной стоимости, а важная

категория амортизации остается золушкой бухгалтерского учета, и нет определения эксплуатации как аномальному парному процессу.

Казалось бы, упущенная модель парного акта – случайная оплошность теоретиков, но если догадаться, что при вариации параметров та же модель может оказаться теорией эксплуатации, то можно понять, почему среди миллионов экономистов не нашлось желающих разрабатывать столь неблагоприятную тему. Непроработанная теория парного процесса в свою очередь дискредитирует основания всего рыночного строя – того, что мы зовем капитализмом. Оказывается, с этой занозой гуманитарная наука может уверенно прожить более полутора века, если время отсчитывать от февраля 1848, когда в «Манифесте» К. Маркса и Ф. Энгельса было опубликовано наиболее громкое обвинение в эксплуатации.

И благо – тоже «вещь в себе»

Подспудной проблемой парного процесса является концепция блага – той цели, к которой устремляются все участники общества. Приземленные синонимы блага – ценность, стоимость. Что есть ценность и чем она порождена? Только ли трудом, к чему склонялись Петти и Смит и во что свято верили Рикардо и Маркс? В настоящее время гуманитарии предпочитают более взвешенный ответ: «трудом и другими факторами производства»; тем не менее, вопрос о генезисе блага и его цены не считается решенным, «закон стоимости» не дезавуирован. Парадоксальность научного тупика в познании блага подобна другим многочисленным парадоксам гуманитарного знания – неясности «атома общества», непонятому неравенству, структурной катастрофе, неисследованной эксплуатации, и т.д., которые возникли, как падение на ровном месте, как немота без глухоты.

Ясно, что в составе технологически сложных благ, производимых большой индустрией, доля «других факторов» должна быть велика. Напротив, в составе простейших благ, производимых малым бизнесом и семьями, доля «других факторов» должна быть малой, а доля труда – большой. Соответственно в благах, потребляемых выживающими, доля труда больше, а в благах, потребляемых среднедоходными гражданами, больше будет доля «других факторов». Поэтому можно понять основоположников экономической науки, склонявшихся к труду как породителю блага – в их историческое время доля технически сложных изделий была невелика, а доля выживающего населения была весьма значительной.

Любой фактор производства, если его изучить, будет представлять собой труд, исходный материал, и что-то еще X. Когда труд и «другие факторы» объединяются в совокупное сложное благо, то в его составе мы обнаружим возросший труд, немного исходных материалов и что-то еще X. Если же рассматривать самые простые блага, например бочку речной воды для полива или кувшин парного молока детям на ужин, то в ценности останутся только труд самого водовоза и самой молочницы и компонента X. Казалось бы, в отношении компоненты X мы не имеем возможности выдвинуть какие-либо гипотезы. Но представим, что вода взята не из реки, а из бассейна с неочищенными сточными водами, а корова у молочницы больна. Как мы теперь оценим эти «блага» и соответствующие им «труды»? Наверное, теперь видно, что компонента X – это ответственность, и она не слагаемая, а множитель всех трудов и факторов. Труд сам по себе не может быть достаточным для создания блага! Замечательно, что современное гуманитарное знание все-таки отошло от монополии труда, хоть и осталось «с завязанными глазами», поскольку обобщенное содержание «других факторов» не разгадано теоретиками.

В наше историческое время множатся примеры пустого безрезультатного труда, например укладка асфальта в лужи и на лед. В наше время множатся примеры злонамеренных, но весьма трудоемких проектов, результатом которых является огромный с.-э. ущерб, например разработка и распространение компьютерных вирусов и фейков, экстремизм, «труд» аферистов, воров и бандитов, хищническое истребление природных ресурсов – леса, рыбы, редких животных, ценных минералов и т.д. Например, производство незаконных свалок отходов. Труд может оказаться и преступным, и подлым, и пустым, и «халтурным». Разумеется, недостаточность труда как источника блага не является открытием только нашего времени, об этом догадывались и прежде, даже археологи находят «халтуру» в древних артефактах. Неопределенность блага и неясность миссии его

создателей как центральных категорий экономической науки, социологии и философии указывают на принципиальные дефекты фундамента гуманитарного знания.

Игнорирование крупнейших исторических гуманитарных вызовов

Маркс неправ, но эксплуатация есть

Концепция конструктивных отношений работников и работодателей должна лежать в основании теории капитализма. Тем не менее, проблему содержания отношений участников рынка скорее можно считать игнорируемой, чем разрабатываемой. Она находится в длинном списке непринятых или неотвеченных «вызовов» – весьма значимых, но методологически тяжелых и политически опасных тем. Наиболее крупные вызовы оставил нам марксизм.

Вопрос об эксплуатации коллектива работников в парном процессе «рабочие – капиталист» поставил К. Маркс с небывалым для объективной науки размахом бездоказательных спекуляций. В первом прижизненном и в двух последующих томах «Капитала» Маркс обсуждает много аспектов труда и капитала, но лейтмотивом его работы является доказательство эксплуатации: (1) только труд рабочих является единственным источником благ, (2) капиталисты ничего не вкладывают в производство благ, но (3) присваивают существенную их часть. В своей книге «Экономическая мысль в ретроспективе» упоминавшийся нами М. Блауг, профессор Лондонского университета, детально анализирует творчество К. Маркса и находит многочисленные ошибки в его концепции эксплуатации «труда капиталом» (Блауг, 1994: 207-274). Маркс действительно неправ! – Пусть так, но есть эксплуатация или ее нет? Мимоходом Блауг сам отвечает на этот вопрос: «конечно, капиталисты эксплуатируют рабочих ради собственной выгоды» (Блауг, 1994: 224). Откровенная реплика эксперта еще раз обозначила причину боязни, которую испытывают гуманитарии перед теорией эксплуатации: как и Блауг, они априори уверены, что эксплуатация действительно есть и что она – огромна!

Позитивного решения поставленной Марксом проблемы до сих пор не найдено: (1) нет модели трудового коллектива, (2) нет модели труда, (3) нет модели создания благ посредством труда и капитала, (4) нет модели сотрудничества – эксплуатации в парном процессе, (5) нет модели предприятия. Гуманитарная наука не затрудняет себя решением проблемы эксплуатации. Мы видим, что эта проблема самым существенным образом касается содержания с.-э. отношений, в любом случае она формулируется посредством основополагающих категорий и по этой причине в рамках с.-э. теории является фундаментальной. Проблема эксплуатации (февраль 1848, Маркс и Энгельс) и сама социология (апрель 1839, Конт) почти ровесники, но все свое историческое время они провели раздельно. Маркс до сих пор является самым цитируемым гуманитарием мира, несмотря на признанную ошибочность его взглядов – слишком крупные вызовы он оставил потомкам-коллегам.

Средний класс – орудие холодной войны идеологий

Не менее фундаментально-значимыми являются вызовы Маркса о классовом составе общества и о направлении социальной эволюции. Маркс выделял только два основных класса – рабочий класс и класс капиталистов, полагая их антагонистическими. С 20-х годов 20-го века в Западной социологии как ответ на «пролетарскую революцию» 1917-го года в России все более продвигалась идея небедного среднего класса, который находится в партнерских отношениях с предпринимателями и гарантирует мирную поступательную эволюцию общества. Объективные признаки среднего класса за прошедший век не выяснены и его объявленные позитивы не доказаны, и с этим незнанием мировая гуманитарная наука вполне смирилась. Напротив, социологи знают весьма определенно: рабочий класс в класс средний не входит. Концепция среднего класса создавалась, вырастала и расширялась именно как антипод, антагонист, альтернатива классу пролетариев.

Мы немного погрешим против истины, если скажем, что «смиранный» средний класс – это исполненный «субъективной наукой» социальный заказ на создание полемической альтернативы «революционному» рабочему классу. Объективен ли средний класс, или это субъективная спекуляция, не имело прежде и не имеет до сих пор ни малейшего значения. В наше время о среднем классе у нас и на Западе все реже вспоминают – он исполнил свою историческую миссию в идейной войне и способствовал победе буржуазного либерализма

над коммунизмом, а далее он не нужен – это обломки идеологической бомбы, взорвавшей теорию коммунизма.

Миссия среднего класса оказалась даже перевыполненной – он еще три десятка лет после победы либерализма направлял и продолжает направлять постсоветскую социологию по ложному пути. На вызов Маркса о реальной социальной структуре с.-э. знание, как мы упоминали, до сих пор не находит содержательного ответа. Идейная слабость и неуверенность гуманитарной науки в своем предмете лишили ее возможности быть арбитром и превратили в соучастника холодной войны либерализма и коммунизма.

Куда движется общество, науке неведомо

Движителем социальной эволюции К. Маркс, Ф. Энгельс и их последователь В. Ленин полагали классовую борьбу, а ее историческим итогом считали бесклассовое (бесструктурное!) общество. С другой стороны, «движителями» надо признать самые крупные с.-э. процессы, составляющие стрелу исторического времени человечества. Один из таких процессов был назван Марксом – развитие производительных сил; Ленин был склонен называть его еще более узко и более определенно – рост производительности труда. Что же именно приводит в движение человечество: классовая борьба или рост производительных сил? С чем сцеплена «стрела исторического времени»? Как ни странно, в концепциях современной гуманитарной науки нет представлений о путях и механизмах исторической эволюции человечества. Мы не знаем, подтверждает или опровергает современная наука марксистскую схему эволюции. И этот вызов Маркса оказался игнорированным. Современная гуманитарная наука не знает, куда движется человечество!

Теоретикам нечего сказать на могилах классовых жертв

Подчеркнем моральную остроту проблемы идейного наследия марксизма: столетие назад эта теория «овладела массами», стала «материальной силой» и в ходе классовых битв и последующих попыток применения принесла огромное число жертв. Если всемирное число жертв марксизма оценить как 50 млн. человек, то вряд ли мы завысим оценку. Печально и тревожно, что гуманитарным теоретикам до сих пор нечего сказать перед их могилами. Руководители мировой с.-э. науки и ведущие специалисты как бы попрытались. Россия и Украина оказались в числе стран, наиболее пострадавших от марксизма. Печально и тревожно, что безмолвствуют и бездействуют именно российские и украинские гуманитарии. В век массовой коммуникации лидеры гуманитарной науки оказываются неизвестными широкой общественности, в современной России и Украине у них нет публичных площадок в общественных организациях и вузах, в печати, интернете и на ТВ, где дискутировались бы наиболее острые нерешенные проблемы социальной теории. Мы упоминали, что отсутствует сам список нерешенных проблем.

Как забыть Маркса?

Почему к Марксу и даже к его предшественникам Рикардо и Смигу так стабилен интерес? – Наверное, еще и потому, что за прошедшее время среди гуманитариев не появилось более ярких мыслителей и более крупных идей. Сравним с естествознанием: труды И. Ньютона невольно потеснили интерес к блестящему экспериментатору и полемисту Г. Галилею, поскольку включили в себя его достижения; теории А. Эйнштейна поглотили совершенные Ньютоном открытия и сделали менее ярким его имя. Прорывные работы плеяды современных квантовых физиков переключили на себя былой интерес научной общественности к сенсационным откровениям Эйнштейна. Процесс поглощения имен и идей продолжается далее. Интерес к Марксу можно ослабить, только ответив на его вызовы и породив еще более продуктивные идеи. Нет сомнения, что ожидаемое нами обновление гуманитарной науки в изобилии выдвинет ее новых лидеров, идеи и известность которых сделают менее яркими идеи и имена их предшественников.

Накопление неотвеченных гуманитарных вызовов

Гуманитарное знание не рассматривает в качестве своих задач крупнейшие проблемы реального управления, а это тоже вызовы: различие бедности и достатка, достатка и роскоши, измерение неравенства, изъятие воспитания из образования, способ налогообложения и т.д. Забыт и брошен без понимания и применения закон Парето о степенном распределении, который сам по себе тоже вызов и может опрокинуть почти все базовые разделы современной гуманитарной науки.

Прошло три десятилетия с момента отказа руководства России и Украины от планов строительства коммунизма и принятия курса на реставрацию капитализма. Прошедшее время показало, что восстановленный капитализм так же не идеален, как отвергнутый социализм. Гуманитарное знание, по крайней мере «наше», не восприняло нашу Реставрацию как вызов в свой адрес. Происшедшая Реставрация рассматривается как исправление совершенной в 1917 году исторической ошибки, но не как вызов – повод для глубокого объективного сопоставления пережитых нами социальных систем.

Вызовами нашего времени, не воспринятыми гуманитарной наукой, оказываются протесты населения против расовой сегрегации в США, которые сопровождаются осквернением и сносом памятников историческим деятелям рабовладельческого прошлого. Эти протесты стали всемирными. Новые вызовы не обрабатываются специалистами, они накапливаются.

Гуманитарное знание развивает концепцию эволюции человечества как восхождения, а не как последовательной смены несопоставимо разных фаз, и по этой причине утверждает наше моральное превосходство над нашими как бы аморальными предшественниками, фактически оправдывая вандализм современной толпы. Хотим акцентировать наше восприятие эволюции человечества: это путь от простого к сложному, от ручного к машинному. От одного состояния, адекватного развитию техники и общества, к другому, тоже адекватному и объективному. Пройденные человечеством этапы эволюции, в т.ч. рабовладельческий и феодально-крепостнический, объективны, естественны и в целом этической оценке не подлежат!

Отсутствие фундаментальных исследований

Нет ни одной формулы, устойчиво соединяющей размерные категории

В нашем анализе мы уже упоминали о дефиците фундаментальных исследований в с.-э. отрасли знания. К числу фундаментальных надо отнести исследования макроскопически выраженной классовой структуры общества (и рынка), а также микроструктур – семьи, трудового коллектива и предприятия. Фундаментальными надо считать исследования содержания с.-э. отношений и хозяйственной этики, неравенства и эксплуатации, исследование механизмов и эконометрии инфляции, исследования природы базовых с.-э. категорий – блага, капитала, ресурса, труда, амортизации, доверия, ответственности, свободы, демократии и т.д. Фундаментальными надо считать механизмы самоорганизации общества, а также направления и этапы (фазы) социальной эволюции. Список фундаментальных задач не может быть ограничен.

Наверное, если попытаться найти универсальное определение, то фундаментальными надо признать устойчивые соотношения размерных категорий, устанавливаемые в аналитических моделях. Фундаментальные исследования позволяют соединить в одно неразрывное целое множество локальных частичных моделей и сформировать единый взгляд на предмет науки. Гуманитарные науки бесконечно далеки от этой цели. В с.-э. знании нет ни одной формулы, устойчиво соединяющей размерные категории!

Гуманитарии не уверены в каждом своем принципиальном утверждении. В связи с неприобретением цельного взгляда на общество, гуманитарные науки не могут противостоять угасанию стратегически важных социальных институтов, прежде всего института воспроизводства населения. С молчаливого согласия современной гуманитарной науки права человека и права иммигранта раздуты несообразно правам общества, ювенальная юстиция и статусы сексуальных меньшинств несообразны правам традиционной семьи, экологические ограничения несообразны интересам экономики и т.д.

Изобилие ненаблюдаемых категорий

В связи с дефицитом фундаментальной работы, гуманитарная наука переполнена неизмеряемыми (ненаблюдаемыми) категориями, не имеющими к тому же ясных прямых дефиниций. Печально и тревожно, что в их числе оказываются наиболее употребимые, интенсивно влияющие на массовое сознание. У подавляющего большинства социальных категорий вообще нет числовых мер, в то время как их сравнения процветают: больше демократии или меньше, больше доверия или меньше, больше свободы или меньше, больше соцриска, ответственности, неравенства, справедливости или меньше, и т.д.

Фундаментальная работа еще не началась

Конечно, исследования фундаментальных соотношений в гуманитарных отраслях имеют место. Например, экономисты исследовали возможную связь инфляции и безработицы, возможную связь капитала и объема выпуска, а также капитала, выпуска и труда. К сожалению, устойчивая связь названных категорий в настоящее время не признается. Особенно парадоксально отсутствие воспроизводимой корреляции капитала и выпуска. Капитал является аддитивной накапливаемой величиной и по этой причине похож на категорию энергии в естественных науках. Энергия порождает все виды физического движения. Можно предполагать или даже постулировать, что капитал порождает все виды социального движения. Поэтому можно попытаться обнаружить линейную связь капитала с потоками обмена ценностями, а также убедиться в сохранении капитала, в т.ч. во взаимном преобразовании всех видов капиталов. В дальнейшем мы обсудим серьезные аргументы в пользу этого утверждения. На аналогичные исследования в физике и химии был потрачен весь 19-ый век. В гуманитарной сфере, учитывая опыт естествознания, этот процесс пошел бы быстрее, но его начало, по сути, еще не состоялось.

Фундаментальные исследования касаются малой части реальных гуманитарных проблем общества, а мера их дефицита такова, что можно даже говорить об их отсутствии вообще. Печально, что нет с.-э. теорий вслед известным эмпирическим данным (например, вслед закона Парето), но нет и теорий, опережающих новую эмпирику. Мы упоминали, что нет модели блага, а также модели создания и деления блага в парном процессе. Нет модели эксплуатации. Нет моделей коллектива и фирмы. Нет теории семьи. Нет теории социального капитала. Нет теории власти; статьи и книги с этим ключевым словом появляются, но математических моделей в них не предложено. Нет теории социального неравенства.

Поскольку нет теории фирмы, экономисты так и не выяснили, что именно присваивает (и присваивает ли вообще) капиталист, привлекая работников к процессам коллективного создания больших потоков благ. Нет теории, показывающей закономерность вытеснения труда работников другими издержками по мере роста объемов производства. Нет теории труда как такового и нет теории ответственности, между тем склонность к лени и безответственность стремительно возрастают в современных социумах. Не ясно, чем малый бизнес отличается от большого, и находится ли малый бизнес в одной статистической группе с бизнесом средним, как это могло бы показаться из новой популярной фигуры речи «малый и средний бизнес».

Не ясно, чем ресурс (большое благо) отличается от капитала (тоже большого блага). Разумеется, нет и теории ресурсов. Нет единой концепции капитала, поэтому не ясно, как соотносятся капиталы человеческий и промышленный. Ранее мы обозначили проблему полезности малого (человеческого) капитала. Та же проблема существует в отношении больших капиталов. Нет теории рыночной конкуренции (теории выбора). Нет теории с.-э. риска производителей и потребителей благ, нет даже признанного определения социального риска. Нет теории (моделей) региональных рынков, хотя и публикуются книги с такими названиями. У гуманитариев нет теории (моделей) роста больших городов, она есть только у физиков, но в гуманитарных категориях она выглядела бы не вполне убедительно.

Мы просим читателей извинить нас за многократное перечисление фундаментальных задач, не решенных гуманитарной наукой. Может быть, гуманитарии-теоретики сами начнут составлять такого рода списки, и наша назойливость окажется полезной.

На непривычку к фундаментальному указывает общая ориентация редакторов научных журналов с.-э. профиля и самих исследователей на анализ только самых последних статистических данных. Между тем главная ценность любой статистики состоит в уникальной связи с предметом анализа. Наверное, чем древнее объективная статистика, тем она была бы ценнее. Полагаем, что статистики доходов жителей Вавилона, Древнего Рима, Древнего Киева и Москвы, например времен И. Калиты или И. Грозного, вообще оказались бы бесценными.

Еще раз о фундаментальном генезисе блага

Просим прощения читателей и за наше особое внимание к проблеме генезиса блага, но вопиющая нерешенность этой проблемы дает нам право возвращаться к ней снова и снова. В 1832 году социалист Р. Оуэн организовал в Лондоне биржу, принимавшую товары от

производителей по цене, пропорциональной затратам времени. После короткого успеха биржа затоварилась и прогорела. Как видно, потребителям благ необходимо нечто большее, чем только труд. Здесь мы предлагаем ответственность как экзаменатора, партнера и мультипликатора труда.

У нашей концепции блага есть множество продолжений. Пусть благо в нулевом (главном, исходном) приближении – это произведение труда и ответственности $G = L \cdot R$, а хороший работник – квалифицированный, трудолюбивый и ответственный человек. Поэтому труд мы рассматриваем как произведение квалификации Q и трудолюбия D , а именно $L \sim Q \cdot D$. Квалификацию человека обеспечивает образование E , поэтому $Q \sim E$, а ответственность R и трудолюбие человека D формируются в результате воспитания V , поэтому $R \sim V$ и $D \sim V$. Несложно подвести итог: $G = L \cdot R$ или $G \sim Q \cdot D \cdot R \sim E \cdot V^2$. Вербальный итог таков: поток производимых в обществе благ пропорционален квадрату воспитанности населения и только первой степени его образованности. Воспитание существенно важнее образования!

Образование организуется прежде всего государством, а воспитание происходит прежде всего в семье. Воспитание человека начинается в семье с первых дней и продолжается все время союза детей и родителей. Беда в том, что современные семьи утрачивают свои размеры и устойчивость, они исчезают. По этой причине ограничивается и даже исчезает семейное воспитание, а вместе с этим деградируют ответственность и трудолюбие населения. Чтобы не случилась катастрофическая утрата качества людей-работников, эстафету воспитания должны подхватить образовательные учреждения, но именно от воспитания они и отказались!

Лучше бы в нашей средней школе мы имели воспитание без образования, чем образование без воспитания! В современной системе Минобра и науки – Минпроса России действует девять институтов педагогического профиля, и только один из них имеет «воспитание» в своем названии: Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО. Наверное, мы уже привыкли к гигантским парадоксам в гуманитарной сфере.

Нет статистических моделей – нет долговременных прогнозов

Если из современной физики или химии изъять статистические модели, то это подобно изъятию бетона из строительства. Подавляющее большинство объектов естественных наук представляют собой ансамбли, составленные из множества одинаковых участников. Описать их коллективные свойства возможно только посредством статистических моделей. Казалось бы, точно такая же проблема имеет место в социологии и в экономической науке. Да, проблема есть, но моделей нет вовсе! Нет моделей, которые рассматривали бы многообразие (товаров и услуг, производителей и потребителей, способов среднедоходной жизни, способов выживания) как важнейший параметр рынка и общества, а ведь именно огромное многообразие еще полвека назад нам казалось главным эмоционально ярким фундаментальным преимуществом капитализма над социализмом. Среди заметных, но неудачных попыток введения категории многообразия отметим посмертную работу Ш. Розена (Розен, 2002). Многообразие Розен вводил по признакам «лучше-хуже», между тем многообразие формируется несопоставимо разным.

Известные экономисты (например, Д. Рикардо, К. Маркс, У. Джевонс, К. Менгер, Ф. Визер, А. Маршалл, Л. Мизес, в наше время А. Некипелов) иногда апеллируют к «робинзонадам», где на примере одного-двух человек (или нескольких фирм) моделируются рыночные отношения. Между тем подавляющее большинство персональных с.-э. отношений имеют место в среднедоходной группе, где многообразие видов деятельности принципиально. Кроме того, подавляющая часть суммы ценностей производится и потребляется в иерархии бизнеса, где множество участников также принципиально. Робинзонады – индикатор принципиального непонимания гуманитариями статистической природы общества и рынка.

Если судить по опыту естествознания, многообразие (число возможных способов, статсумма, термодинамическая вероятность или монотонная им энтропия) – единственная характеристика, позволяющая надежно определять направление эволюции статистических ансамблей. Не освоив категорию многообразия, с.-э. знание не сможет давать ответственные долгосрочные (векового и большего масштаба) прогнозы, а кому нужна наука без долгосрочных прогнозов?

Теория капитализма так и не создана, и социализм еще «не умер насовсем»

Имея методологию долгосрочного прогнозирования, можно было бы исследовать предложенную Марксом последовательность с.-э. формаций, особенно капитализм – ее как бы последнюю признанную форму или «фазу», значение которой радикально возросло после самоликвидации советского социализма. Тем не менее, если окинуть взглядом совокупность изложенных нами нерешенных фундаментальных проблем теории рынка, то надо признать: по существу теория капитализма так и не создана. Это означает в том числе, что капиталистическая формация может оказаться не вечной. И это означает в том числе, что и социализм еще «не умер насовсем», и путь, который нас ждет впереди, гуманитарная наука тоже не проложила.

Неуправляемый рынок как фундаментальная неясность

Наряду с «невидимой рукой» Смита в гуманитарной науке присутствует еще одна неясная парадигма – «отвяжитесь!» (*laissez faire, laissez passer*). Это центральная идея экономического либерализма – идея решительного ограничения вмешательства государства в экономические отношения бизнеса и населения. Представления о невмешательстве возникли давно, их продвигали еще физиократы – первые экономисты. Смит тоже был близок к либерализму. Но идея о безграничной власти денежных отношений нравилась не всем и не всегда. Она не нравилась верующим, и особенно она была сомнительной во время экономических кризисов, которые вполне определенно указывали на ограниченность рынка как саморегулятора.

В связи с публикацией в 1936 году книги Дж. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» впервые в экономической науке появилось и утвердилось теоретическое признание необходимости государственного вмешательства в экономику. Экономические кризисы, состоявшиеся в конце 60-х годов 20-го века и в 2008-ом, пошатнули доверие к рекомендациям Кейнса, и в настоящее время в гуманитарной науке уже нет ясной концепции госрегулирования.

Сравнивая наш бывший социализм и восстановленный капитализм, мы должны признать, что стихийные рыночные отношения имеют много ценных качеств, но в то же время они отчетливо нуждаются в регулировании со стороны морали, закона и государственных интересов. Отсутствие хорошо проработанной теории или концепции в этом вопросе так же тревожно, как отсутствие теории ядерных реакторов, если бы такое имело место. Представим гипотетическое: как начать деление ядер уран известно, а как построить котел, где посредством урана будет долговременно и безопасно производиться атомное тепло, не ясно. А теперь построим такие «неясные атомные котлы» в каждом большом городе – вот какая модельная ситуация сложилась в экономическом знании по принципиальнейшей фундаментальной проблеме госрегулирования рыночных отношений.

Нет фундамента – не будет и науки

Отсутствие фундаментальной работы необычайно ослабляет с.-э. знание, оно становится неспособным решать даже простые, но ответственные прикладные задачи. Представим, что в рамках современной медицины не развиты фундаментальные работы по иммунологии; это значит, что в случае появления новой бактериальной или вирусной инфекции (естественной или синтезированной «учениками чародея») под угрозой массовой гибели и инвалидности окажутся многие этносы или даже все человечество в целом. Неуверенность гуманитарной науки в фундаментальных вопросах оставляет каждое общество незащищенным от эпидемий ложных неадекватных социальных установок (целей, программ, оценок, социальных институтов, фейков, мифов). Неуверенность в свою очередь коренится в отсутствии связи теории и эмпирических данных.

На недостроях, недоделах, слабостях, заблуждениях с.-э. науки выросли и бесполезно-романтические, и мрачные кровавые зловерные социальные течения. Назовем «социал-утопизм», социал-дарвинизм, марксизм, анархизм, народничество, ленинизм, сталинизм, национал-социализм, маоизм, фашизм, либерализм и т.д., даже маргинализм (да простят нас в него верующие). В свою очередь ложные тупиковые неэффективные парадигмы отодвинули, подавили, подменили живую творческую работу ученых-гуманитариев. В итоге в современной гуманитарной науке нет самого простого: действующих моделей семьи, коллектива, фирмы, труда, неравенства, риска, блага, капитала, ресурса, сотрудничества-эксплуатации и т.д., и т.д. Представим, что фермер-земледелец всю зиму занимался хобби,

а к весне у него оказались неготовыми трактор, плуги, бороны, культиваторы, сеялки, посадочный материал, удобрения. И что он пожнет? И какой сорняк будет произрастать на его невозделанной земле?

Гуманитарная наука не занимается качеством народа

Лишенная фундамента, неуверенная в себе гуманитарная наука не занимается качеством народа, между тем поступательное развитие народа не очевидно и не обязательно, а по ряду характеристик можно подозревать его историческую деградацию. Пусть политики, надеясь на перевыборы, ласкают народ похвалами. Но в науке никогда не должно замирать здравомыслие. За состоянием общества надо следить не менее зорко, чем за небом. В частности, катастрофически повсеместно снижается репродукция населения; можно опасаться снижения трудолюбия и персональной ответственности трудоспособных граждан с соответствующим ростом лени, апатии и вандализма. Есть реальная опасность мобилизационной неготовности населения в случае войны, эпидемий или крупных гражданских конфликтов. Есть опасность массовой криминализации народа, когда социальной нормой становятся деструктивные действия граждан и институтов.

В России и Украине практически отсутствует социальная реклама, между тем проблем невоспитанности взрослого населения у нас не меньше, чем проблем невоспитанности школьников и студентов. Если заботиться о народе, появится задача возвращения воспитания в школы и вузы, а также расширения воспитания на все общество. Практически важной задачей станет сдерживание тенденций к деградации в наименее мобилизованных регионах и в ключевых отраслях народного хозяйства.

Тревожно, что гуманитарная наука не является постановщиком задач перед правительством. Где-то в кабинетах социальных институтов должны быть круглосуточные «дежурные по стране», которые изо дня в день контролируют состояние наиболее критичных характеристик нашего народа не менее ответственно, чем дежурные астрономы караулят вспышки «сверхновых». Может быть, с.-э. знание успеет стать «рабочей лошадкой» практического управления обществом. Узнать об этом можно будет по авто, припаркованным вблизи с.-э. учреждений и факультетов: они станут похожими на стоянки машин у заводских проходных.

Философский смысл такого рода социальной работы заключается не в преодолении объективного хода исторической эволюции характеристик населения, а в отсрочке, замедлении, облегчении сопутствующих социально-негативных явлений.

Отсутствие фундаментальной этики

Гуманитарны ли гуманитарные науки?

В социологии и экономической науке вообще огромная проблема именно с гуманитарностью в связи с отсутствием логически стройной теории этики, которая по необъяснимой традиции отнесена не к ведению экономистов и социологов, а отдана философам, в чьих руках она утрачивает свою уникальную значимость и растворяется в тысячах других категорий и парадигм. По-видимому, теорию этики в рамках социологии и экономической науки мы должны отнести к числу фундаментальных дисциплин, а приобретение благ («добро») и их утрату («зло») – к числу таких же фундаментальных неустрашимых с.-э. феноменов, как сотрудничество и эксплуатация.

Теория этики, как теоретические представления о добре и зле, не обновлялась по сути со времен И. Канта, т.е. со «времен Очакова и покоренья Крыма». На самом деле нет уверенности, что кантовская этика была и остается адекватной. Разумеется, Десять заповедей моисеевых не исчерпывают и малую часть этических проблем нашего времени, к их дополнению призывал еще М. Лютер. Актуализация социальной и хозяйственной этик – весьма трудоемкая и наукоемкая задача, но не видно, что на этом участке научного фронта сосредоточены сколь-нибудь значительные силы.

Этическое неединство общества

Современная архитектура этики построена от человека к себе самому, к другим людям, и далее к обществу и к природе, ссылаемся на капитальный труд А. Риха (Рих, 1996: 54-61). Если бы общество было однородно, то эта схема была бы вполне естественной и продуктивной. Однако в случае существенной социальной неоднородности, этика неизбежно распадется на несовместимые этики разных с.-э. групп. В пользу гипотезы о неединстве социальной этики свидетельствует феномен бимодальной концентрации масс

людей в разных интервалах на шкале богатств и доходов, его мы рассмотрим во второй части. В этой связи, этика группы выживающих может быть построена от выживающего человека к нему самому и членам его домохозяйства, к земле, лесу, реке, к домашним и диким животным, далее к членам других домохозяйств, к церковной общине или деревне, еще далее к жителям городов и т.д. Конечно, этика среднедоходных горожан будет другой, и уже третьей будет этика в иерархии власти. Более того, среднедоходная группа современных городов сама отчетливо неоднородна; этики рабочих и ИТР окажутся разными, что, кстати говоря, осознают и уверенно используют работодатели. Современная гуманитарная наука (и философия тоже) не воспринимает глубокую социальную неоднородность как объективную непреодолимую данность, и вытекающее из нее этическое неединство общества вовсе не исследуется наукой.

В пользу идеи об этическом неединстве отметим, что в силу объективных ограничений выживающие домохозяйства руководствуются этикой равенства (братства), а среднедоходные индивиды – этикой справедливости. В советские времена категории равенства и справедливости полагались в равной мере позитивными и совместимыми. Справедливость ассоциировалась скорее с главенством права, а не как связь заслуг и воздаяния, а равенство воспринималось как равенство перед законом, а не как принцип распределения скудных благ. Однако в постсоветское время ощущается их несовместимость и даже антагонизм, например, при оплате труда рабочих. Справедливость – это же не равенство! В таком случае важно знать, как равенство и справедливость сосуществуют в неоднородном обществе и какие их меры естественны. Между тем в рамках современного гуманитарного знания проблема соотношения равенства и справедливости не только не может быть решенной, но даже не может быть сформулированной, поскольку гуманитарием не известно бимодальное распределение масс народа.

В качестве образца невнятной непродуктивной позиции философов о соотношении равенства и справедливости опять ссылаемся на Риха, в монографии которого справедливости уделена большая глава (Рих, 1996: 188-219), а равенству – полторы страницы (с. 208-209), откуда мы узнаем, что равенство и справедливость нетождественны и что уравниловка не отвечает требованиям справедливости. Между тем категория равенства предназначена в первую очередь для решения проблемы распределения скудных благ – пищи, одежды, жилища, земли, воды. Группа семейных выживающих фактически создана равенством: если хочешь равенства всегда и везде, будешь членом выживающего коллектива. Категория справедливости предназначена в первую очередь для выдвижения талантливых работников. Хочешь справедливости – будешь среднедоходным индивидом, и по заслугам тебе воздастся. Если же хочешь богатства (власти, престижа), то стремись в с.-э. иерархию, где нет ни равенства, ни справедливости, и поднимайся повыше, потому что блага в иерархии распределяются по чинам.

Парадоксальность самоотречения от этики

Добровольная и строго соблюдаемая передача социальной и хозяйственной этик в ведение философской науки и безразличие к ним социологов и экономистов представляют собой очередной парадокс гуманитарного знания. Ему трудно найти аналог в естественных науках. Например, существует разделение физики и химии, но оно не абсолютно и не препятствует вторжению физиков в предметы химии и наоборот. Одним из примеров совместных действий физиков и химиков на поле одного предмета стало исследование феномена валентности: он был описан и достаточно хорошо изучен химиками к середине 19-го века, но окончательную ясность в него в начале 20-го века внесли физики В. Гайтлер и Ф. Лондон, ставшие основателями квантовой химии. Впечатляющим примером вторжения химика в предмет физической науки явилось решение химиком И. Пригожиным проблемы необратимости времени в уравнениях квантовой механики. Это был бы научный подвиг физика, но это подвиг вдвойне и втройне, совершенный химиком!

Вот если бы физики ограничивали себя чисто словесным описанием своих объектов, отказались бы пользоваться матанализом и поручили бы специалистам-математикам составлять и решать уравнения, описывающие объекты физики, тогда познавательная ситуация была бы подобной изгнанию этики из социально-экономических отраслей. И чем бы в таком случае оказалась физика? – Передоверенная «чужакам», не обладающим волей к достижению конечного результата, она лишилась бы всех своих достижений! И что такое

социология без социальной этики, а экономическое знание без этики хозяйственной? – Они перестают быть гуманитарными, поскольку из них выпадает эмоциональный небезгрешный невесильный неидеальный человек.

Действительно ли мир идет от худшего к лучшему?

Поскольку нет теории эволюции человечества, торжествует мнение, что мир развивается от худшему к лучшему. Страну, где убийцу забивают камнями, полагают менее развитой, чем та, где в тюрьме серийный убийца детей получает трехкомнатные апартаменты с кондиционированием воздуха, спортивным тренажером, горячим водоснабжением и душем, с компьютером и интернетом и с правом высшего заочного юридического образования. Весьма сомнительный этический постулат об эволюции как восхождении дает моральное право странам, именуемым «развитыми», быть образцом для стран, именуемым «развивающимися». Такого рода моральное право часто трансформируется в бомбардировки и интервенции, поэтому с этикой эволюции давно пора бы обратиться нефилософам.

Заметим в этой связи, что этические оценки не применимы к объективной персональной эволюции каждого человека. Например, подросток в целом (по совокупности всех характеристик) не хуже и не лучше взрослого человека. По этой причине персональная эволюция – не восхождение от несовершенного к совершенному, от худшего к лучшему, а последовательная смена несопоставимо разных форм или фаз. Полагаем, что социальная эволюция тоже объективна, и по этой причине протекает так же – как последовательная череда несопоставимых фаз.

Наверное, этика не применима и к социальной эволюции в целом, если эволюция объективна, однако именно этот тезис мы считаем теоретически неоднозначным и его нюансы мы готовы обсуждать.

Аморальность идеально рационального агента

Этика применима прежде всего к поступкам в условиях выбора, причем персональный ущерб должен рассматриваться как возможный и приемлемый, как один из вариантов морального выбора. В наше время стали сомневаться в приемлемости нравственного выбора, когда человек может нанести себе ущерб. Последнее обстоятельство следует акцентировать. В гуманитарном знании исподволь сложилась концепция «человека экономического» как идеально рационального «агента», который следует только своим экономическим интересам (Рих, 1996: 38). С.-э. действия «агента», приводящие к утрате накоплений или к снижению дохода, считаются неприемлемыми и в теории не рассматриваются.

В таком случае все «агенты» должны оказаться на вершине богатства, «идя по головам» друг друга. Между тем в реальном обществе ничтожно мало мест именно на вершине богатства, но огромное число мест вблизи весьма скромного среднего дохода (дохода достатка), а также в бедности с доходами выживания. Бимодальность «бедность-достаток», как мы обещали, детально обсуждается во второй части на эмпирическом материале. Парадоксально, но в гуманитарной науке нет моделей, демонстрирующих механизмы концентрации «агентов» вблизи уровня достатка и тем более вблизи уровня выживания – именно там, где «живет» каждый народ.

Этические потери общества

Сама философия неприемлемости даже малого ухудшения персонального дохода или накопления, или каких-либо еще атрибутов высоты социальной позиции растлевает общество и делает его неспособным проявить высокие гуманитарные стандарты, в т.ч. патриотизм, альтруизм, гуманизм, преданность идеалам и в т.ч. высокую мобилизационную стойкость в случае существенных ухудшений условий существования – войны, голода, эпидемий, блокады, санкций, экономических кризисов. Только на одном этом примере ясно, насколько крупные потери понесли социологи и экономисты, отдав этику в третьи руки и в равнодушные головы.

Неспособность социальной теории различить, описать, признать, объяснить бедность и достаток оборачивается этическими потерями: обществу не предложены позитивная (ясная, логичная, объяснимая, конструктивная, рациональная) этика бедности и позитивная этика достатка. Бедность – это не сознательный или вынужденный выбор умного деятельного человека; бедность – это провал, катастрофа, а бедный человек – это неумный неумелый

лузер, неудачник. Такова современная этическая оценка бедности в массовом (обыденном) сознании, и такой же она фактически оказывается в гуманитарной науке. Этическая оценка участников среднедоходной группы, ее мы тоже рассмотрим далее, ненамного лучше, особенно ее левого крыла, где концентрируются «синие воротнички». Безусловно позитивной оказывается только этика неограниченно растущего богатства! Применительно к подавляющему числу трудоспособных граждан такого рода этика оказывается ложным целеуказателем, особенно коварным для мировоззрения молодежи. Гуманитарная наука не располагает идейной мощью, чтобы противостоять ханжескому отрицанию бедности и достатка.

Не находя ни меры, ни баланса

Несовместимыми или неидеально совместимыми являются многие этически нагруженные категории, например свобода и общество. Общество – это не только огромная свобода выбора, но и жесткая несвобода для персонального произвола, однако нюансы соотношения или баланса персональной свободы и общественной необходимости этикой не рассмотрены. Это тревожно вдвойне, поскольку мировой терроризм (опасность №1 в современном мире) зародился под знаменем свободы, и на нашей земле тоже. Наши народовольцы бомбили царей, министров, градоначальников, чиновников и случайных прохожих именно ради «свободы народа».

Рост персональных свобод («прав человека») уже несколько столетий рассматривается как безусловно положительный и ничем не ограниченный этически, между тем его пределом является полностью разрушенное общество. Мировое гуманитарное знание в своих наиболее популярных парадигмах свободы, демократии, справедливости, равенства и неравенства, гражданских прав и т.д. не знает ограничений и не находит меру перехода количества в качество, т.е. не сообразно диалектике Г. Гегеля, и все это «сходит с рук» профессиональным гуманитариям!

Нет доказательств позитивности общества

Мы уже упоминали об отсутствии теории, доказывающей позитивность общества, а это грандиозный дефект социальной и хозяйственной этик и одновременно – огромная брешь в фундаментальных разработках. В начале 20-го века Россия отказалась от христианской этики, многими столетиями объединявшей наш народ, но нашла паллиативную замену в виде коммунистической морали. В конце 20-го века Россия отказалась и от коммунизма, и только потом выяснилось, что восстановленный у нас капитализм несет в себе довольно скромный набор социальных позитивов. Общество оказалось без доказательства своей полезности, без идей о добре и без идеалов добродетели, и социальная наука безмолвствует! Добавим: нет теории (модели) социального капитала. Оказывается, не ясно из теории, зачем вообще общество нужно человеку!

Отсутствие фундаментальных демографических исследований

Позитивен ли рост человечества?

Нет гуманитарного процесса более важного (и этически более позитивного), чем всемирный рост человечества. Может быть, не все наши читатели согласятся, что рост человечества этически позитивен. По-видимому, этот рост объективен и по этой причине он должен быть этически нейтральным. Тем не менее, теория этики еще не построена, и не исключено, что какой-то единственный объективный гуманитарно-выделенный процесс придется назначить позитивным и отправным для всех остальных этических оценок. Представим, что после завершения всемирного роста человечества вдруг начнется стремительная тотальная неотвратимая депопуляция – исчезновение людей с поверхности Земли. Как мы оценим сегодняшний рост? – Только как самый позитивный! Вот мнение Д. Менделеева на этот счет в 1905-м году: «Древние, начиная от Ликурга и римских законодателей, считали первым благом народным умножение числа людей. Такого же воззрения и ныне держится по инстинкту масса человечества, и, высказываясь кратко, мне наиболее симпатично такое представление...» (Менделеев, 1995: 35).

Сценарии последствий ядерных конфликтов регулярно рассчитывают из самых жестких предположений. Сценарии изменения погоды ежедневно рассчитывают и публикуют десятками тысяч, в т.ч. на случай жесточайших ураганов и всемирного потепления. Но самые важные для человечества в целом сценарии демографической динамики в связи с объективными тенденциями к депопуляции рассчитывают при

неоправданно оптимистических гипотезах, снова ссылаемся на тревожную публикацию демографа В. Медкова (Медков, 2006). По-видимому, специалисты почти единодушны только в отношении печального демографического будущего России.

Пессимистичный сценарий демографы не рассматривают

Признанной теории роста человечества нет, как и нет признанной теории всемирного демографического перехода – завершения роста, в котором все развитые страны и человечество в целом пребывают в настоящее историческое время. Пожалуй, эта проблема является кульминацией дефицита фундаментальных исследований в гуманитарных науках. Например, известный демограф А. Вишневский не отрицает быстрый рост человечества, но считает его чередой демографических равновесий в процессе всемирной трансформации от состояния «высокая смертность и высокая рождаемость» к состоянию «низкая смертность и низкая рождаемость». Заметим, что при столь специфическом описании эволюции человечества не будут значимыми ни факт взрывного роста населения Земли и «развивающихся» этносов, ни убыль коренного населения «развитых» стран. Ни в прибыли, ни в убыли населения «нет ничего страшного» на пути к «окончательному равновесию», ссылаемся на мнение Вишневского в его статье в журнале «Химия и жизнь» (Вишневский, 2012). Представим, что авторитетный медик сообщил в печати, что переход его пациентов от состояния «высокой температуры и высокой подвижности» к состоянию «комнатной температуры и низкой подвижности» не представляет ничего страшного.

Беда в том, «окончательное равновесие человечества» может наступить не на высокой отметке ~10 млрд. чел., как полагает большинство экспертов, а на исчезающе низкой. Если после демографического перехода население Земли не стабилизируется, а начнет падать, то вряд ли падение остановится на отметке «последний миллиард». Более вероятно, что падение продолжится к ничтожной конечной численности. Пессимистичный сценарий демографы не рассматривают.

Содержательные идеи или «абсурдные игры»?

Феномен сверхбыстрого гиперболического роста населения Земли $N(T)$ первым обнаружил шотландский демограф П. Маккендрик еще до Второй мировой войны: $N(T) \approx C/(2030-T)$, где константа $C \approx 200$ млрд. чел.·лет, а время T измеряется от РХ. Эта формула адекватна известным сведениям о населении Земли за последние 1-2 тысячи лет; впоследствии признавалась ее рациональность даже на глубину более 10 тыс. лет в прошлое. Однако вблизи особого 2030-го года предсказанная ею текущая численность становится бесконечной, что в научной среде производило сильные и разнородные впечатления. В последующих работах Х. Фёрстера и С. Хорнера феномен гиперболического роста был переоткрыт заново и получил некоторые числовые уточнения.

Наибольший вклад в понимание свехбыстрого роста человечества внес С. Капица, предложив множество содержательных идей (Ожован и др., 2015). Прежде всего он предположил, что начальная численность человечества соответствовала месту людей на степенном тренде распределения животных Земли по массе тела – около 100 тыс. особей. Далее он предположил, что вместо сингулярности населения Земли в конце гиперболического роста состоится растянутый во времени всемирный демографический фазовый переход от сверхбыстрого роста к постоянной численности людей и предложил временной параметр этого перехода, близкий к средней продолжительности жизни человека или половине длительности демперехода $\tau = 45$ лет. Исходя из веры в дальнейшую стабильность человечества, Капица дал феноменологическую формулу численности населения до, во время и после демографического перехода, которая замечательна тем, что при обращении времени она асимптотически сближается с формулой Маккендрика.

Капица предложил модифицировать дифференциальное уравнение сверхбыстрого

роста $\frac{dN}{dT} \approx \frac{N^2}{C}$ сначала к виду $\frac{dN}{dT} \approx \frac{N^2}{K^2\tau}$, а затем к виду $\frac{dn}{dt} \approx \frac{n^2}{K}$, где $C = \tau K^2$, $t = T/\tau$ и n

$= N/K$. Последняя формула вводит локальные популяции – некие территориальные общности людей. Тем самым Капица предположил, что субъектом сверхбыстрого роста являются не люди, а популяции. Человечество расселяется по земной суше не «штуками людей», а «пятнами локальных популяций»! Зависимость скорости роста числа популяций

от квадрата их текущего числа Капица интерпретировал как позитивное взаимодействие популяций.

Вклад Капицы в понимание сверхбыстрого роста настолько значителен, что именно его работы можно считать началом теоретической демографии. Между тем ни он, ни его предшественники не получили признания социологов. Например, демограф В. Медков, полагающий в духе Э. Гидденса, что «не существует и не может существовать никакого универсального математического закона, описывающего динамику численности населения» (Медков, 2002: 230), о концепциях Капицы отзывался негативно. Приводим его ключевые фразы (Медков, 2002: 230, 231): «эзотеричность и абсурдность игр в математику», «игнорирование собственно человеческой, социальной природы демографических явлений», «математики (да и физики тоже), к сожалению, играют в подобные игры», «за деревьями (формулами) не видим леса (реального человеческого общества)», «аналитический метод прогнозирования может применяться только для кратких периодов времени».

Если прагматично отнестись к довоенной эмпирической формуле демографа П. Маккендрика $N(T) \approx C/(2030-T)$, которая сохраняла адекватность 1-2 предыдущие тысячи лет и даже более, то надо с должным уважением воспринять содержащееся в ней заблаговременное предостережение: «вблизи 2030-го года случится такая особенность роста человечества, которой не было за все состоявшиеся тысячелетия наблюдений». Современные демографы бездумно игнорировали важнейшие сведения своего коллеги Маккендрика, и это так же прискорбно, как пренебрежение И. Сталиным сведениями своей разведки перед нападением Германии на СССР.

Попробуем понять демографический смысл константы роста C , приблизительно равной 200 млрд. чел.·лет. Если согласиться, что временной размерный параметр роста $\tau = 45$ лет Капица угадал правильно (а он уже примеривал эту константу к начавшемуся демпереходу), то константа C равна 4,5 миллиардам человек, умноженным на 45 лет: $C = N_0 \tau$. В начале 20-го века в своей книге «Заветные мысли» Д. Менделеев оценил способность всемирных пахотных земель прокормить до 8 млрд. чел. или даже больше. Он исходил из того, что в его историческое время 1 га кормил 2 чел., а площадь Земли, доступная земледелию, составляла около 42 млн. км² (Менделеев, 1995: 37-39). Поэтому число $N_0 = 4,5$ млрд. чел., взятое почти непосредственно из динамики роста человечества, можно рассматривать как максимальную численность выживающего человечества, которую могла бы прокормить вся земная суша при технологиях выживания соответствующего исторического времени.

На самом деле выживание оказалось возможным и в пустынях, и в тундрах, лесах, на болотах, в горах, и в акваториях в свайных домах, и во льдах. Чтобы оценить продуктивную способность единицы земной суши последние 1-2 тысячи лет, надо 4,5 млрд. чел. разделить на всю площадь суши, доступную для выживания, это около 70% от всей площади земной суши (наша оценка) или около 105 млн. км². В итоге получим 0,42 чел./га, всего лишь в пять раз хуже, чем в начале 20-го века в центре Европы. Константа роста оказалась на удивление «социологичной». На достигнутом уровне понимания, пользуясь только данными Маккерника и подсказками Менделеева и Капицы, мы могли бы предложить гипотезу о константе гиперболического роста населения Марса, если бы там была разумная жизнь.

Заметим, что константа роста $C = N_0 \tau$ может зависеть от эффективности среднемировых технологий выживания, испытывая медленный исторический рост: $C(T) = N_0(T) \tau(T)$, где $T < 2030$. Теперь спросим себя: неужели П. Маккендрик, который свел в таблицы разрозненные сведения о населении, построил график и аппроксимировал его аналитической функцией, тоже занимался «абсурдными играми в математику»?

Как человечество прирастает пятнами популяций?

Интересно понять социальный смысл квадратичной зависимости скорости роста числа локальных популяций dn / dt от текущего числа этих популяций, а именно $dn / dt \approx n^2 / K_2$, где K_2 – максимально возможное число локальных популяций на доступной для выживания поверхности Земли, причем $C = N_0 \tau = K^2 \tau = K_1 K_2 \tau$, где K_1 – число людей в популяции. Люди тяготеют жить группами – племенами, родами, семьями, поэтому гипотеза Капицы о территориальной группе оседлого выживания, конечно же, имеет смысл.

По-видимому, популяции возглавлялись лидерами и были похожи на малые княжества. В таком случае линейный размер от центра до границ популяции-княжества должен быть связан со временем оповещения – дневным пешим переходом гонца или однократным пробегом лошади, что около 20-25 км на пересеченной местности. Площадь круга, равновеликого такой популяции, составит около 1,6 тыс. км², а население $K_1 = 67,2$ тыс. чел., если исходить из 0,42 чел./га.

Время τ может оказаться временем политического союза соседних популяций. Позитивное взаимодействие всех имеющихся популяций на удобных освоенных землях способствует появлению новых популяций на неудобных и неосвоенных землях через взаимный обмен благами. Именно обмен благами, а не обмен информацией мы склонны считать специфическим свойством Homo sapiens. Торговля благами выживания стала причиной сверхбыстрого роста – такая гипотеза следует из парадигмы локальных популяций. Ожидаемый нами фазный состав популяций: подавляюще большая часть населения – фаза выживающих семей с добавлением незначительной «фазы достатка»: купцов, воинов, ремесленников и управленцев.

Если вблизи группы популяций есть свободные земли, они заселяются новыми популяциями, что приводит к общему росту численности населения, а если таких земель нет, то начинаются войны за передел, в конечном итоге приводящие к переселению народов на отдаленные или менее продуктивные земли. Таким образом, взаимная дружелюбность локальных популяций при обмене благ в сочетании с взаимной враждебностью в случае претензий на землю направляют демографический процесс в сторону освоения свободной части земной суши и роста совокупного населения Земли. Столь естественную демографическую картину мы не смогли бы обрисовать, не будь идеи Капицы о локальных популяциях. Ни индивид, ни семья не могут выступить субъектами гиперболического роста человечества! Начало этого роста мы ассоциируем с появлением локальных популяций и установлением торговых отношений между ними.

Современные социологи, в т.ч. упоминавшиеся А. Вишневский и В. Медков, внимательно отслеживают параметры рождаемости и смертности. Хотим предложить гипотезу о ничтожности влияния этих параметров на население выживающих популяций, которое (по нашему убеждению) определялось только продуктивной способностью сельхозгодий и их наличием. В неурожайные периоды население сокращается, в урожайные – возрастает, а после войн и эпидемий восстанавливается. На новых землях население бурно растет, а при исчерпании сельхозгодий рост останавливается. Размеры домохозяйств всех стран мира исторически убывают, а общее население Земли исторически растет! Налицо действие намного более общих закономерностей и параметров, чем рождаемость и смертность.

Присоединяемся к позиции Капицы и Менделеева в отношении многих гуманитарных характеристик: взятые локально, они становятся необычайно сложными. Гуманитарии находят их заведомо не поддающимися какой-либо аналитике. Между тем общее описание гуманитарного процесса может оказаться удивительно простым. Например, удивительно простыми оказались общее описание сверхбыстрого роста и содержание его параметров.

Наверное, здесь было бы уместным привести мнение Д. Менделеева, которое он считал одним из важнейших своих заветов социологам (Менделеев, 1995: 50): «Не только в переносном, но и в подлинном смысле отдельный человек есть не что иное, как атом, и в совокупности людей, т.е. в крупных числах, до них относящихся, должно ждать такой же простоты и правильности, как в числах, получаемых от так называемой мертвой природы».

Если доступную для выживания площадь суши разделить на площадь предполагаемой локальной популяции, получим оценку их максимального числа $K_2 \approx 65,6$ тысяч. Таким образом, параметры K_1 и K_2 оказались численно близкими (но имеют разную размерность) – человек и Земля удивительно соразмерны друг другу: число людей в популяциях и число популяций на Земле – близкие числа. Между малым человеком и огромной Землей «в одно рукопожатие» находится единственный и не очень большой посредник – капицынская локальная популяция. Поскольку многие современные районы в административном делении России и Украины имеют площади именно около 1,6 тыс. км², и есть равновеликие

им административные единицы в Западной Европе (польские поветы, немецкие районы, провинции Италии, округа Франции и т.д.), то можно предполагать, что все они являются реликтовым отпечатком локальных популяций – акторов бурного гиперболического роста человечества (Ожован и др., 2015).

Заурядное равновесие или величайшая трагедия?

Если следовать логике С. Капицы, позитивное взаимодействие популяций и рост человечества оборвутся, когда будет исчерпана свободная поверхность суши, доступная для выживания. Причем незадолго до останова этот рост должен иметь наибольшую скорость. Именно так у нас на глазах происходит и уже близок к завершению демографический переход, который больше похож на наезд автомобиля на неожиданное препятствие. Во благо людям и на беду человечеству торговля породила города, собирающие фазу достатка, а прогресс технологий выживания непрерывно сокращал размеры сельских домохозяйств до такой степени, что породил фермерство и начал превращение сельского выживания в сельский достаток.

Благодаря подсказке Капицы о способности демперехода быть еще и фазовым переходом, мы можем предложить вторую причину останова роста человечества – исторически мгновенное (за время двух поколений τ) преобразование детородной фазы сельского выживания в бесплодную фазу городского и сельского достатка (Ожован и др.). Фаза достатка тысячелетиями способствовала распространению выживающих популяций по земной поверхности, а сама медленно концентрировалась в городах. Уже древние города притягивали к себе новых жителей. Чем большее число жителей накопил город, тем больше у него возможности по размещению новых жителей, модель этого процесса предложил Б. Трубников (Трубников, 1993). Такой же механизм аккреции вещества в черную дыру: чем больше вещества накопила черная дыра, тем больше ее способности к дальнейшему накоплению. Демографические процессы могут быть такими же грандиозными, как астрономические.

Процесс внутренней миграции населения из сел в древние города существенно подавлялся феноменом запертого выживания (Привалов и др., 2016). Так мы обозначили проблему перехода от сельской к городской жизни, когда сельский мигрант лишался упрочения своего семейного коллектива и в одиночку предстоял перед проблемой освоения жизни в городе. Оказывается, этому тонкому феномену можно найти и теоретическую модель в терминах человеческих капиталов, и числовую оценку. Запертое выживание позволило сдерживать рост древних и более поздних городов за счет коренного этноса, стимулировало расселение людей по Земле и рост численности человечества, а страсть городов к новому населению была частично утолена рабами, добытыми в войнах и разбоях. По-видимому, рабовладение объективно; попытка дать ему негативную оценку по этическим критериям нашего исторического времени так же нелепа, как обвинение первобытных людей в истреблении редких животных.

По мере роста персональной производительности выживания, барьер перед внутренней миграцией понижается, и наступает время, когда он становится ничтожным: выживающее население массами покидает села и устремляется к достатку городов. Индустриальная мощь и многообразие деятельности этносов и всего человечества стремительно возрастают, новейшие технологии городов привлекают к себе миллионы людей, обеспечивая их работой и доходами. Просвещенное развитое человечество, многочисленность которого обеспечена продолжительным этапом выживания, создает компьютеры, интернет, посещает Луну и узнает о Большом Взрыве. А выживание? – Внутренняя логика эволюции сельского выживания приводит его в конечном итоге к самоликвидации и даже к превращению в сельский достаток с исчезающей детностью. Куда ни взгляни – всюду бездетность.

Феномен запертого выживания, который 3-5 веков назад ограничивал внутреннюю миграцию из деревень в города, но стимулировал принудительную внешнюю миграцию из сельской Африки в города и на плантации Старого и Нового Света, в наше историческое время инвертируется – мигранты из Африки добровольно устремляются в Старый свет. Внешняя и внутренняя миграции лишаются преград и приобретают огромные масштабы. Гуманитарная наука оказалась не способной ни понять сам феномен миграции и его

историческую инверсию, ни объяснить его взрывной рост, ни дать рекомендации по минимизации его социальных издержек.

Фазовый переход «выживание → достаток» нельзя ни остановить, ни обратить. Он принципиально неравновесный и уже завершается, поскольку в городах с 2009-го года живет уже более половины населения Земли. В основе фазового демперехода – завершение освоения людьми планеты Земля и исторический рост производительных сил. Демпереход так же сцеплен со стрелой исторического времени человечества, как персональная эволюция каждого человека с его возрастом. Фазовый демпереход имеет роковые последствия, поскольку городская фаза бесплодна по социальной причине, которую нет возможности преодолеть. За вкушение плодов познания и за достаток городов человечество снова лишается бессмертия и снова изгоняется из рая сытой жизни – вот что содержится в довоенном послании демографа Пола Маккерника своим коллегам, если расшифровать его сегодня с помощью ключей, подобранных Сергеем Капицей. Наша генерация человечества может завершить свое присутствие на Земле в силу самой банальной причины – просто умереть от старости.

Успеет ли пробудиться гуманитарная наука?

Мы не настаиваем на описанной здесь схеме демографических процессов. Мы всего лишь изложили мотивированные гипотезы о механизмах гиперболического роста, фазового демографического перехода и последующей стремительной депопуляции Земли. Поскольку ценность человечества невероятно высока, то внимание специалистов-гуманитариев к состоянию и тенденциям народонаселения Земли, а также их усилия по анализу угроз должны соответствовать масштабу этой ценности. Между тем реальная опасность стремительной депопуляции человечества не является предметом даже академических дискуссий. Трагичность безответственного бездействия социальной науки в вопросах о последствиях демперехода, можно сравнить лишь с безответственностью астрономов, не заметивших приближение к Земле убийцы биосферы – астероида диаметром 20-40 км, если бы такое приключилось.

Методология и организация современной астрономии таковы, что упущение крупного астероида невозможно даже представить. Надежность современной астрономии не только в системе непрерывного профессионального контроля за ближним и дальним космосом, но и во всенародной поддержке: тысячи самодеятельных астрономов, весьма небедно оснащенных, каждую ночь контролируют звездное небо. От профессиональной науки они получают информационную, моральную и даже материальную поддержку через совместные проекты, премии, конкурсы. Можно ли представить, чтобы гуманитарная наука имела всенародную поддержку, и каждый вечер тысячи энтузиастов погружались бы в ее теории и статистики, переписывались с профессионалами? Мы упоминали самодеятельного историка и демографа С. Ершова; в своей весьма трудоемкой книге «Великая Русь» он благодарит только писателя В. Чивилихина и доктора военно-морских наук В. Шломина.

Современное гуманитарное знание (1) совсем не различает выживание и достаток, (2) игнорирует трудовую природу сельских семей, (3) не уверено относительно исторического убывания размеров домохозяйств, (4) не вполне уверено в пользе детей в сельских семьях, (5) никак не определилось в вопросе о субъекте сверхбыстрого роста человечества (люди, семьи, популяции?), (6) не может согласиться с обреченностью городской семьи, но инструментом городской жизни ее тоже не считает. Ясно, что при отсутствии узловых категорий нет возможности ни понять взрывной рост человечества, ни осознать его последующую динамику. Критика В. Медкова в адрес специалистов естественных наук об «игнорировании собственно человеческой, социальной природы демографических явлений» на деле может оказаться беспощадной самокритикой.

Пора социальной геронтологии

Удивительно, почему лидеры и администраторы с.-э. науки не сосредоточены на изучении тенденций, смертельно опасных для человечества в целом. И почему в отношении столь общей проблемы, какой является опасность всемирной стремительной депопуляции, молчат особые гуманитарии – философы.

Наукам неведомы сущности, бесконечные во времени, в т.ч. допускается конечность во времени всей Вселенной. И только человечество априори полагается бессмертным.

Человечество не погибнет от ядерной войны и эпидемий, слишком много на Земле укромных изолированных мест. И тем более не погибнет от нашествия внеземной цивилизации: «битвы миров» не реальны из-за огромных расстояний даже до ближайших к нам звезд. Человечество может тихо выродиться в силу естественной старости и дряхлости, бесславно утратив все завоевания молодости своего духа. Человечество может умереть естественной смертью за пару столетий, т.е. исторически мгновенно, будучи при этом не подготовленным гуманитарной наукой к своей скоропостижной гибели.

Прекращение репродуктивной функции так или иначе обусловлено старостью людей. А деградация способности людей к самообслуживанию – их дряхлостью. По этой причине прекращение репродукции всего населения Земли или какой-либо нации может рассматриваться как старость человечества или конкретной нации. А опора какой-либо нации на постоянный приток трудоспособных мигрантов – как дряхлость (вырождение) этой нации. Наверное, настает время создавать геронтологию наций и человечества в целом – систему фундаментальных представлений о старости и вырождении этносов. К сожалению, в современной гуманитарной науке нет и намека на подобную постановку задачи.

Как упускаются последние возможности

В связи с неясностью источников экономического роста, руководители России и Украины время от времени указывают на необходимость ограничения притока населения извне. Гуманитарии не оппонировать национальным лидерам, квотирующим приезд новых работников, причем даже в количествах, ничтожно малых по сравнению с общей численностью коренного населения. При этом игнорируется почти очевидный факт, что главной ценностью любой страны является ее трудоспособное экономически активное население и что национальный рынок тем больше развит и тем вернее самодостаточен, чем больше население. В современной России количество необходимых трудовых вакансий «где-то тихо» подсчитано, и масштабы трудовой иммиграции лимитированы в соответствии с этим непубличным подсчетом.

Представим, что вопреки расчетам экономически активное население России вдруг удвоилось. Или вдруг случилось чудо, и распавшийся СССР вновь восстановился. И что же – новые россияне будут безработными? В начале 20 века Д. Менделеев, предполагая ежегодный прирост около полутора процента, оценил численность населения России к началу 21-го века на уровне 600 млн. чел. И что же, занятыми из них были бы не более современных ста миллионов? А как Китай и Индия трудоустраивают свое население – до половины всех жителей Земли? Ясно, что мы имеем дело с непониманием основополагающих механизмов самоорганизации социумов. Как могут возникать столь крупные ошибки? – Прежде всего в связи с отсутствием фундаментальных исследований и их эмпирической базы.

Печально, что в разгар демографического перехода, в результате близорукости именно нашей гуманитарной науки, Россия и Украина не используют уникальную возможность прирастить свое население лучшими мигрантами из соседних стран, попавших в с.-э. «турбулентности». Этот шанс может не повториться в будущем.

Отсутствие теории с.-э. пространства и его топологии

Сколько измерений в с.-э. пространстве?

К числу нерешенных фундаментальных задач надо отнести и топологию с.-э. пространства, но эта проблема достойна отдельного обсуждения. Казалось бы, мы говорим о далекой от жизни абстракции, но обратимся к естествознанию: а что если бы там не было теории физического пространства? – Частично «обвалились» бы или не состоялись вовсе многие отрасли и крупные разделы объективного знания, в том числе статистическая физика и термодинамика, теории твердого тела, электромагнетизма и гравитации, теория относительности, теория радиоактивного распада, упоминавшиеся микрокосмофизика и космонавтика, теория Великого объединения и т.д., и т.д. От современной физики вообще вряд ли что осталось.

Для определения топологии пространства, сначала нужно выявить независимые характеристики участников статистических ансамблей. Число характеристик равно размерности с.-э. пространства. Параметр размерности вяло дискутируется в социологии на протяжении последнего столетия без каких-либо результатов. Широко известна позиция П. Сорокина, предлагавшего дать две независимые характеристики каждому участнику

социума в виде «вертикальной и горизонтальной мобильности» (Сорокин, 2005: 119). Тем не менее, если судить по спискам социальных характеристик, обсуждаемых в монографиях, большинству социологов даже трехмерное пространство (типа того физического, где мы пребываем) было бы «тесным в плечах».

Красноречивой в топологическом смысле является постановка проблемы неравенства, которое традиционно оценивается только по одной-двум характеристикам: или по доходам, или по богатству (накоплениям). Поскольку доходы и накопления должны быть функционально связанными, то двухфакторное восприятие неравенства фактически вотирует в пользу одномерности с.-э. пространства. Заметим кстати, что неравенство – это размер общества вдоль шкалы накоплений или потоков. Поэтому приходится признать, что в с.-э. теории не создано способов вычисления размера общества и нет представлений об оптимальном (или объективном) его размере.

В пользу предполагаемой почти одномерной топологии с.-э. пространства может свидетельствовать малое число размерных характеристик, которые можно использовать для описания и сочетания с.-э. категорий. Например, с.-э. накопления должны иметь размерность блага или ценности и измеряться в деньгах. Потоки обмена должны иметь размерность потока благ, т.е. деньги, поделенные на время. Потоки благ можно интерпретировать как потоки квантов благ, испускаемые с какой-то частотой. Поскольку частота имеет размерность обратного времени, то и в квантовой интерпретации с.-э. потоки сохраняют ту же размерность. Труд в его традиционном представлении (как источника потока благ) должен сохранить размерность потока благ, а выполненная работа должна иметь размерность блага. В некоторых случаях, например в теории демографии, потребуются размерности «люди» и «популяции», но математики склонны их считать безразмерными. Сколько же размерностей мы назвали? – Пожалуй, принципиальны только две: время и деньги! Беда в том, что гуманитарии не склонны сосредотачиваться на проблемах размерности используемых величин, и это одна из причин их неудач в понимании размерности своего пространства.

О пользе серьезного отношения к размерности пространства

К размерности с.-э. пространства не установилось серьезного отношения, между тем размерность может оказаться роковой категорией для социологии. Помимо упомянутых, у нас есть другие объективные основания предполагать, что размерность эта будет лишь слегка больше 1 – этот вопрос мы будем обсуждать далее. Например, она может принадлежать интервалу $[1,05; 1,1]$. Разумеется, главной независимой характеристикой каждого участника общества окажется доход (поток производимых или потребляемых благ), это ему будет принадлежать координата №1, и эта координата – «чисто экономическая», по крайней мере, социологи своими руками опрочетливо отдали ее экономистам. А все остальные характеристики-координаты, которые можно условно считать «чисто социальными», составят ничтожную часть от величины координаты экономической.

Заметим, что прямой смысл координат какого-либо пространства – устанавливать расстояние между участниками статистических ансамблей. Если с.-э. пространство почти одномерно, то социальная дистанция между людьми и между фирмами – прежде всего различие их доходов. Так оно и есть, но теоретическое признание этого факта будет ошеломляющим. Получится, что современная социология занимается ничтожными по социальной значимости категориями, что ее действительно глубоким предметом является производство и потребление материальных и духовных благ, именно в этих процессах и категориях заключена реальная социальная природа человека.

Подчеркнем важное: доход – это не «презренный металл» и не цель стяжания «торгующих во храме», это поток производимых и потребляемых благ (материальных и духовных), это самая высокая и самая значимая характеристика каждого участника общества. Общество – это машина по производству и потреблению материальных и духовных благ. По нашему мнению, социология находится на пороге радикального (на 90-95 %) обновления своего предмета. К утешению социологов отметим, что перед таким же масштабным обновлением своего предмета поставлена современная физика в связи с недавно возникшей проблемой темной материи – темной энергии.

Если с.-э. пространство одномерно, то какая в нем координата?

Итак, поток (доход, объем продаж за единицу времени) или запас (капитал, инвестиция, материальные и финансовые активы) является, по всей видимости, единственной координатой каждого участника общества в с.-э. пространстве. В дилемме «поток или запас» мы склоняемся к потоку в качестве координаты. Каждый участник общества (человек, семья, предприятие) нуждается в непрерывном обмене пищей, веществами, благами, отходами с окружающей природной и социальной средой. Поток как координата весьма органичен. Но какова роль запасов? – По-видимому, запасы, являясь результатом накопления материальных и финансовых благ, оказываются скалярной аддитивной величиной в этом пространстве, близким аналогом энергии. Сам факт параллельного существования векторных и скалярных характеристик пространства не тривиален даже в естествознании. Находясь сразу в двух пространствах – с.-э. и физическом, у нас появляется возможность лучше понять и то, и другое.

Материальные блага более похожи на кинетическую форму энергии, а финансовые (денежные) – на потенциальную. Может быть, была бы справедливой гипотеза о сохранении суммы материальных и финансовых активов каждого участника рынка, если бы не патологическая склонность современных финансовых рынков производить фиктивные финансовые ценности в виде деривативов. Сумма деривативов в настоящий момент многократно превышает сумму материальных и денежных средств бизнеса и населения всего мира и рассматривается как угроза устойчивости мирового рынка. Деривативы – угроза и для экономической теории тоже. Несохранение суммы материальных и финансовых активов порождает также мировая финансовая система, базирующаяся на ничем не обеспеченном долларе США и его неограниченной эмиссии. Тенденция к закредитованности людей и стран тоже находится в этом ряду. Дискредитация доллара и деривативов, иски по кредитам неизбежны, и они усугубят и без того гигантские проблемы предстоящего финала демперехода.

Особенности одномерного пространства

Если физическое пространство одномерно, например груз на тросе реализует одномерный случай, то связь координаты и энергии оказывается линейной. Этим анализом мы обязаны П. Эренфесту, ему же принадлежит идея о том, что число измерений какого-либо пространства не устанавливается априори, а является эмпирическим фактом. Например, трехмерность физического пространства прямо появляется как число «3» в ряде измерений, в т.ч. теплоемкости. Надеемся, что число измерений с.-э. пространства тоже будет получено опытным путем. Аддитивная величина нагнетается во все реально действующие измерения, поэтому связь потока и запаса в с.-э. ансамблях будет весьма информативной. В частности, в одномерном или почти одномерном с.-э. пространстве можно ожидать линейной связи потоков и запасов, капиталов и объемов продаж, инвестиций и дивидендов – такова наша гипотеза.

Особая роль энергии как категории запаса в физической науке связана с ее сохранением во времени. В свою очередь в соответствии с теоремой Э. Нётер, связывающей законы сохранения с симметриями системы, сохранение энергии является следствием однородности времени. Не исключено, что упоминавшееся возможное сохранение в малых (нефинансовых) экономических системах суммы материально-денежных запасов тоже имеет место и тоже может быть следствием однородности социального времени. Заметим, что в условиях смут и революций однородность социального времени должна нарушаться, что породит несохранение запасов; эта гипотеза тоже может оказаться эвристичной.

Если макроскопическая одномерность покажется малой

Нетривиальность топологических концепций состоит еще и в том, что даже при единичной макроскопически выраженной размерности, число микроскопически выраженных измерений в ансамблях с большим числом независимых участников может быть равно числу этих участников. Например, если в среднедоходной группе большой Москвы заключены 5-7 миллионов граждан (экономически активного населения), то число микроскопически выраженных измерений, необходимых для статистического описания этой группы, составит те же 5-7 миллионов. Наверное, такое число измерений малым не покажется! Вот только социальный смысл этих измерений будет совсем не тем, который обычно видится социологам. Это будут не агрегированные типы социализаций, например,

трудова́я, идеологическая, партийная, сексуально-ориентированная, религиозная, спортивная, и т.д. Но это будут способы индивидуального присутствия в обществе, это будут способы независимого создания и потребления средних по объему благ в конкретных домохозяйствах Москвы.

Не изгоняйте торгующих из храма социологии!

Наш анализ проблемы размерности вскрывает грандиозную проблему неединства с.-э. знания, которое сложилось в современной гуманитарной науке. Экономическая отрасль с огромным трудом едва различает социальные типы участников экономических отношений. Социальная отрасль едва признает, что почти все помыслы людей в обществе направлены не на разного рода социализации, а на решение насущных экономических задач – создание благ и обмен благами. Экономисты не понимают, не признают, не используют распределения участников по экономическим характеристикам, т.е. фатально не видят огромные размеры и принципиальную экономическую неоднородность общества и обречены на профессиональную слепоту. Социологи, отказавшись от главной характеристики каждого участника общества (производить и потреблять блага), тем самым добровольно покинули главное и практически единственное измерение с.-э. пространства и попытались построить отдельную науку на ничтожных по объему «свернутых измерениях». Образно говоря, когда торгующие были изгнаны из храма социологии, этот храм сократился до размера птичьей клетки.

В настоящее время экономическая и социальная науки, в отличие, например, от физики и химии, на удивление независимы. Может быть, настало время социологам и экономистам объединиться и «пожить под одной большой крышей», хотя бы временно? Социология и экономическая наука в общем тандеме оказались бы соответственно «социальной физикой» (как и планировал О. Конт) и «экономической химией», описывая единый предмет на разных уровнях погружения в него. Материализация этого союза потребует значительных усилий. В частности, должна быть выявлена связь между потоком социальных действий и потоком благ. Производству и потреблению ценностей (центральные категории экономического анализа) будет поставлено в соответствие побуждение людей к позитивной социальной активности. Общество – машина по производству и потреблению благ у экономистов. Общество – машина по побуждению людей к конструктивной активности у социологов. Вот о какой гуманитарной науке нам хочется мечтать.

Смит завещал исследовать распределения

Со времен Р. Декарта и И. Канта ясно, что пространство формируют наполняющие его сущности. По этой причине второй задачей топологии с.-э. пространства является исследование распределения людей, фирм, предпринимателей вдоль почти единственной его координаты – потока производимых и потребляемых благ. К сожалению, этот аспект топологии тоже не проработан, несмотря на то, что исследовать естественные распределения завещал А. Смит, мы упоминали об этом во введении. И социологи, и экономисты привыкли иметь дело не с распределениями всех участников общества, а с типичными представителями – «человеком социальным» или с «человеком экономическим», «типичным предприятием». Масштабы упрощения здесь намного большие, чем усреднение температуры больных. Средняя температура по металлургическому комбинату или даже по Солнечной системе здесь была бы более уместна для сравнения. Вдоль социальной вертикали потоки обмена благами меняются в миллионы крат, а в самых крупных обществах – до миллиарда крат. А плотность распределения (число участников в единичном интервале производства или потребления благ) при этом может изменяться в тысячи миллиардов крат – это космические величины, это новая вселенная! И как усреднить вселенную? Если построить распределения, то социологи и экономисты не узнают свой предмет, так много необъясненного им предстанет.

Когда будут построены распределения

Когда будут построены распределения всех участников региональных рынков, то вдруг выяснится, что самым вероятным состоянием граждан даже в самых развитых странах окажется выживание, и это придется объяснять. Обнаружатся два пика (два локальных максимума) плотности – два типа массовых участников общества и два способа жизни народных масс, и это тоже придется объяснять. Обнаружатся огромной длины «степенные

хвосты» распределения богатых участников с.-э. отношений, и это тоже надо объяснять. Огромное неравенство «шилом из мешка» будет торчать в каждом репрезентативном распределении, и все это придется объяснять! Потребуется пересмотра или уточнения категории рыночного равновесия, свободной конкуренции, равенства и справедливости, социального неравенства, социальной структуры, капитала, ресурса и т.д. Когда начнутся попытки объяснений, то неизбежно выяснится, что набор методов и набор категорий, которыми располагают современные гуманитарии для обработки и интерпретации с.-э. информации, безнадежно устарели. Появятся новые методы и новые категории. Действительная разработка категории с.-э. пространства радикально обновит и активизирует гуманитарную науку.

Неоднородное пространство и неединая этика

В качестве примера продуктивности представлений о топологии с.-э. пространства приведем уже упоминавшуюся проблему неединства этики. Выживающие участники общества концентрируются в начале с.-э. пространства. Занимаемый ими интервал, по-видимому, лишь слегка превышает дискретность самого с.-э. пространства. Различие социальных позиций выживающих ничтожны, и по этой причине в группе семейных выживающих может применяться только этика равенства и братства. Напротив, в среднедоходной группе населения на больших региональных рынках объективные различия доходов составляют около десятка крат и даже более, и здесь естественна этика справедливости, предполагающая связь персональных заслуг и воздаяния.

Более того, есть основания полагать, что главной причиной справедливого неравенства доходов в этой социальной группе является полезность малого человеческого капитала рабочих: чем больше малый человеческий капитал, тем большим числом возможных способов он может быть создан и удержан. Этика справедливости зачастую требует линейной связи труда и вознаграждения, например, линейной связи экономического эффекта от изобретения и гонорара изобретателя. Или линейной связи ущерба от преступления и санкции на преступника. В среднедоходной группе следует ожидать линейной связи социальной позиции индивида и потока производимых и получаемых им благ. Поэтому можно говорить, что выживающим и среднедоходным участникам общества соответствует «линейная топология» с.-э. пространства, эмпирические свидетельства в пользу бимодальности мы обещали обсудить во второй части.

Наконец, иерархия с.-э. власти, основанная на среднедоходной группе как на двух нижних своих статусах, имеет иные способы формирования своей структуры и распределения благ – по чинам, по высоте социальной позиции. Справедливости (как и равенства) категорически нет в иерархиях, какими бы они ни были – административными, политическими, экономическими, религиозными, и научными в т.ч. Иной оказывается формула полезности больших капиталов: чем больше капитал, тем с большей скоростью он прирастает. Иерархии столь велики в пространстве потоков благ, что наблюдение иерархий в целом и их статусной структуры возможно только в логарифмическом масштабе – этот феномен тоже обсуждается далее. Высота социальной позиции должна измеряться логарифмической мерой потока производимых и потребляемых благ. Поэтому можно говорить, что участникам иерархии с.-э. власти соответствует «степенная» или «логарифмическая топология».

Правила распределения благ – основное предназначение концепций этики. Если эти правила объективно и весьма существенно различаются вдоль социальной вертикали, а это так, то это значит, что в обществе нет единых представлений о добре и зле. Этика не может быть единой на всю высоту общества! Отсутствие единой этики является результатом неоднородной топологии с.-э. пространства, возникающей в результате естественной самоорганизации общества – такова наша гипотеза. Представим теперь, что на какой-то конференции будет объявлено о доказательствах невозможности существования единой этики, применимой на всю высоту социальной вертикали. Это известие надолго станет всемирной новостью №1 и произведет огромное число следствий. Гуманитарная наука действительно может быть всемирным ньюсмейкером, как космофизика и как генетика. Но путь к этой высокой позиции не близок и не скор хотя бы потому, что надо заслужить авторитет и доверие специалистов, а также простых людей цельностью и прочностью системы с.-э. знаний, надежностью предсказаний и независимостью от власти.

На пути к теоретически единому обществу

Третьей задачей социальной топологии мы могли бы назвать исследование причин, порождающих неоднородности распределений, в т.ч. исследование особой роли аддитивных накапливаемых величин (капиталов и ресурсов). Мы ожидаем здесь такие же прорывные открытия, какие случились в физике полтора столетия назад в связи с обнаружением законов сохранения энергии, импульса и момента импульса, а также в связи с выявлением единства всех форм энергии. В частности, мы ожидаем разработку концепции теоретически единого общества от предельно бедных до предельно богатых граждан. Надеемся, что появится теория капитала, объединяющая в себе представления о всех видах социально значимых накоплений и всех типах носителей этих накоплений. Капитал, как упоминалось, мы полагаем аналогом энергии в физическом пространстве. Интересно, что в отличие от энергии у категории капитала есть «несовершенный прототип» – ресурс, свойства которого мы рассмотрим во второй части, обсуждая эмпирические феномены.

Топологические подобию и далее

Неожиданные открытия могут случиться на каждом шагу. Например, если весьма малый участок с высочайшей плотностью в начале с.-э. пространства (мы упоминали, что его занимают бедные участники общества) сравнить с огромным «степенным хвостом» весьма малой плотности, представляющим богатых участников в подавляюще большей части с.-э. пространства, то отношение их размеров на больших региональных рынках составит $10^5 - 10^6$. Приблизительно таким же является отношение размера «рыхлой» атомной оболочки к размеру очень плотного атомного ядра, но уже в физическом пространстве. Получается, что большой региональный рынок и атом химического элемента топологически подобны, и массы бедных людей выступают как ядро каждого регионального рынка-атома.

Четвертой задачей с.-э. топологии мы могли бы назвать исследования дискретизации (квантования) с.-э. пространства, а также исследования статистических шумов наиболее значимых функций; в эвристичности этих работ мы уже вполне уверены на примерах физического пространства. Разумеется, список задач в социальной топологии ничем не ограничен.

Методологические тупики в гуманитарном знании*Особый статус как самоизоляция и как тупик*

Каждый из названных нами признаков кризиса гуманитарной отрасли является отражением кризиса ее методологии. Пожалуй, самый явный методологический тупик – неоднократно упоминавшийся тезис о неточных и точных науках, это он оправдывает особый статус и самоизоляцию гуманитарного знания. Мы уже упоминали о новой рациональности И. Пригожина (закономерное проявляет себя только в среднем по ансамблям и времени), которая не понята и не освоена гуманитариями. Объявив об уникальности своей отрасли знания и поверив в эту уникальность, гуманитарии утратили интерес к объективности, у них не выработался вкус к поиску объективных размерных параметров и констант, а также их связи в аналитических соотношениях. Подчеркнем: курс на объективность знания – важнейшая методологическая установка, не признанная гуманитариями.

Неэмпирический характер гуманитарных наук

Отцы-основатели декларировали экономическую науку и социологию как эмпирические, однако эта задача не поддалась ни им, ни их последователям. Как мы могли убедиться, гуманитарное знание не построено на каком-либо определенном наборе фундаментальных фактов, а теоретические модели за редкими исключениями не ориентированы на эмпирическую верификацию. Практика не является критерием истинности в гуманитарном знании. Неэмпирический характер гуманитарных наук – второй по значимости методологический провал.

Преобладание вербального анализа и безразличие к математическому

В гуманитарном знании в целом преобладает вербальный (словесный) способ анализа, несмотря на то, что отдельные школы специалистов в изобилии применяют математику. Например, математики много в публикациях экономистов США, в исследованиях т.наз. «эконофизиков», в работах социологов с применением корреляционного (регрессионного)

анализа, а также в анализах биржевых сделок. Следует напомнить мнение В. Леонтьева о формальной математизации экономической теории: «Некритическое увлечение математическими формулами часто ведет к тому, что за внушительным фронтом алгебраических символов скрываются положения легковесные с точки зрения сущности предмета» (Леонтьев, 1990).

Традиции математизации наук в настоящий момент таковы, что редакции естественнонаучных журналов не примут рукописи, где нет математических моделей или результатов матобработки БД. Напротив, отсутствие математических моделей и анализов БД не явится (при прочих равных условиях) основанием отказа экономистам и социологам в публикациях их статей. Недостаток или избыток математики не является критичным для гуманитарной науки; это значит, что к математике безразлична вся с.-э. отрасль, и время ее прорывных успехов еще не настало.

Отсутствие аналитических соотношений

Подчеркнем важное: в гуманитарном знании не выявлены устойчивые связи размерных с.-э. категорий типа формул Ньютона $F=ma$ или Эйнштейна $E=mc^2$. Напротив, в естественных науках нет ни малейших проблем применению формул, связывающих размерные величины. Нет также проблем ответственного отношения исследователей к размерностям, несмотря на беспредельное изобилие формул. В настоящее время термин «аналитическое соотношение» в естественных науках не имеет устойчивого применения в отличие, например, от «аналитических функций» в математике, что позволяет нам использовать его для описания методологической проблемы гуманитариев. «Аналитическим соотношением» предлагаем называть устойчивую связь размерных категорий типа упомянутых $F=ma$ и $E=mc^2$.

Каждое новое аналитическое соотношение, устанавливающее устойчивую связь размерных категорий, являет собой крупный научный успех. Наиболее популярные метрологически обеспеченные аналитические соотношения становятся математическими моделями, применяемыми миллионами крат каждый день. Например, закон Ома $IR=U$ и закон мощности $IU=W$ используются при прокладке домовых электросетей и при начислении платы за коммунальные услуги. Аналитические соотношения весьма ответственны, поскольку не допускают разных толкований. Они как бы выдвигают своих авторов на ярко освещенную сцену, где их встретит признание научной публики в случае успеха или долгое злопамятство в случае провала. Научный процесс – это накопление аналитических соотношений. Научная отрасль подобна публичной библиотеке или инструментальному складу, где на полках хранятся аналитические соотношения, готовые к применению.

Из-за отсутствия аналитических соотношений в гуманитарном знании не действует методологический принцип преемственности, когда старое знание не отбрасывается вовсе, а становится упрощенной версией нового. Преемственность – это поглощение старого знания новым. Получение аналитически оформленной устойчивой связи размерных категорий само по себе становится важнейшей методологической установкой. В рамках естествознания аналитические соотношения представляются такими же естественными, как ритмичное биение сердца. И только патологии с.-э. знания позволяют убедиться, как важна методология «формульной математики». Отсутствие аналитических соотношений означает, помимо прочего, преобладание недостаточно ответственного отношения гуманитариев к своему предмету.

Когда в гуманитарной науке появятся аналитические модели, все базисные дефиниции будут избавлены от неопределенностей и неоднозначностей. Аналитическое моделирование вычистит науку и выметит все пыльные углы. Аналитическое моделирование укрепит науку, как стальная арматура укрепляет бетон: попробуйте неосторожно задеть любой малый фрагмент развитой научной отрасли – вся она сопротивляться будет, если построена на надежном эмпирическом базисе и созданы аналитические модели, где многократно переплетены ключевые категории. Лишенная аналитических соотношений, гуманитарная наука на поверку может оказаться ворохом бессвязных безответственных абстракций.

Засилье агрегирования и игнорирование распределений

Мы упоминали, что гуманитарное знание не работает с распределениями «агентов» по каким-либо характеристикам, между тем этот метод показал высочайшую эффективность в

естественных науках. Функции плотности распределения особенно ценны тем, что допускают теоретическое построение, они могут быть результатом теоретического моделирования, могут быть получены «на кончике пера». Между тем функции плотности не являются фигурантами каких-либо формул у экономистов и социологов, они напрочь изгнаны из гуманитарного анализа. В результате этого представления о с.-э. реальности строятся путем агрегирования баз данных в диаграммы и гистограммы или путем усреднения их до типичных представителей.

Методология агрегирования и усреднения при неумелом применении обесценивает данные даже при малых потоках и накоплениях. В любом случае она категорически неадекватна для степенных распределений, имеющих место в области больших потоков и накоплений. Агрегирование баз с.-э. данных столь традиционно и столь велико, что они утрачивают почти всю свою ценность. Не используя распределения, гуманитарная наука перестает воспринимать свои предметы в целом, с.-э. знание оказывается неспособным описать объекты, протяженные в с.-э. пространстве, и работает только с точечными. В результате огромный пробел исподволь формировался в гуманитарной науке, и сейчас он огромен.

Об агрегировании В. Леонтьев говорил так: «Мы не можем перейти от агрегированных понятий к непосредственно наблюдаемым экономическим явлениям, так же как не можем превратить омлет в целые яйца, из которых он был сделан. Вот почему экономический анализ в его наиболее агрегированной, но потому и более систематизированной и управляемой форме привносит с собой пусть относительный, но несомненный оттенок неправдоподобия» (Леонтьев, 1990: 43). И еще: «поскольку сильно агрегированные величины ненаблюдаемы, а должны быть получены на основе измерения отдельных компонентов, входящих в агрегат (то есть на основе первичных данных наблюдения), никакой выгоды от их использования не будет» (Леонтьев, 1990: 66).

Начав сегодня работать с распределениями, гуманитарии уже завтра открыли бы объективную социальную структуру. По крайней мере, сразу нашли бы иерархию власти – огромный с.-э. орган, ужаснулись бы колоссальной величине неравенства и убедились в его непреодолимости. С удивлением обнаружили бы, что в обществе действуют настоящие законы, как в естественных науках, а диапазоны вариаций независимых переменных так же велики, как в астрономии и ядерной физике. К сожалению, эти и другие открытия ждут своих героев-первопроходцев уже несколько столетий.

Невнимание к размерности и к соотношениям размерных категорий

Обсуждение размерности с.-э. категорий в книгах и статьях гуманитариев настолько редки, что можно утверждать, что их нет вовсе. Из всех цитированных здесь гуманитариев, обсуждение проблем размерности мы нашли только у В. Леонтьева и М. Блауга. Между тем метод размерностей в физической науке является одним из наиболее употребляемых. Например, С. Капица посредством этого метода извлек характерное время $\tau = 45$ лет из константы гиперболического роста человечества $C = N_0 \tau$ с размерностью «люди, умноженные на время». В результате чего оставшаяся часть N_0 с размерностью «люди» оказалась подобной максимальному населению Земли. – Великолепный результат при минимальных усилиях! Все новые аналитические соотношения специалисты-физики обязательно проверяют на размерность. То же должно выполняться в гуманитарном знании. Казалось бы, отсутствие жестких связей базовых категорий упрощает науку, но это именно та простота, что хуже воровства. «Упрощенное гуманитарное знание» становится безответственным и непродуктивным.

Какую размерность имеет категория доверия, или ответственности, или социального риска, или социального действия, или блага? Чтобы продуктивно решать проблемы размерности гуманитарных категорий, надо давать разумные эвристичные определения и строго следить за соотношениями размерных величин в аналитических соотношениях.

Например, если благо создается совместными социальными действиями двух партнеров, то его размерностью будет квадрат социальных действий. Если благо порождается персональной ответственностью и трудом, то размерность блага может быть равна произведению размерностей ответственности и труда. Если верны обе концепции блага, то размерность квадрата содействий равна произведению ответственности и труда и

равна размерности блага. Труд как процесс или как поток должен иметь размерность блага, деленного на время. Труд как запас или как результат (т.е. выполненная работа) должен иметь размерность блага, этот вариант мы обсуждаем. Следовательно, персональная ответственность должна быть безразмерной характеристикой людей и процессов, а социальное действие должно иметь размерность корня квадратного из блага. Монотонная связь потока квадратов социальных действий и потока благ, если будет обнаружена с.-э. наукой, стала бы впечатляющим успехом методологии размерностей.

Неаналитичность параметрического моделирования

Если открыть современный толстый учебник по экономике, то поражает необычайное изобилие графиков, их может быть сотни. Но они не являются результатами наблюдений или обработки каких-либо БД, почти все они – умозрительные. Большинство создаваемых экономистами математических моделей параметрического и умозрительного типа.

Идея параметрических соотношений следующая. Выбираются категории, которые по мнению экспертов существенны для аппроксимации какой-то функциональной связи. Далее так же экспертным путем выбирается тип математической функции, связывающей категории посредством разного рода коэффициентов (параметров). Наконец, методом корреляции с опытными данными определяют значения коэффициентов. Например, уравнение Кобба-Дугласа разработано в 20-е годы 20-го века для укрупненного анализа выпуска промышленной продукции Y . Оно до сих пор применяется для отраслевых анализов и прогнозов в ограниченных периодах времени и выглядит так: $Y = A \cdot L^\alpha \cdot K^\beta$, где L – вложенный труд, K – инвестированный капитал, A – технологический коэффициент, α и β – коэффициенты эластичности. Выпуск продукции Y , объем труда L и объем капитала K имеют размерность блага. В общем случае $\alpha + \beta \neq 1$, поэтому в общем случае коэффициент A должен быть размерным, причем его размерность будет зависеть от соотношений коэффициентов α и β . Именно в силу произвола размерностей параметрическое соотношение Кобба-Дугласа не может постулировать универсальную устойчивую связь категорий выпуска, вложенного труда и инвестированного капитала и не является аналитическим.

Бесплодность маржинализма

Маржинализм как метод анализа возник в конце 19 века для решения проблемы выбора в условиях рыночной неопределенности партнеров, благ, цен. Его «отцами» называют О. Курно, Г.Г. Госсена, У.С. Джевонса, Ф. Эджуорта, К. Менгера, Л. Вальраса, В. Парето. Этому методу уже полторы сотни лет. Маржинализм развивался и как альтернатива трудовой теории стоимости, хотя более похож на теорию спроса (теорию потребительского поведения), но в широком смысле стал антитезой гуманитарного знания на идею молекулярного поведения людей. «Человеческие молекулы» склонны максимизировать свою выгоду (свой эгоизм) через увеличение отпускных цен и уменьшение цен приобретаемых товаров, через оптимизацию объемов закупок и продаж. Для описания парного процесса обмена благами и моделирования свойств самих благ, в концепциях маржинализма используются категории предпочтения, склонности, удовлетворения, удовольствия, полезности (положительной или отрицательной, кардинальной или ординальной), безразличия, благосостояния, редкости, выбора, выгоды, бюджета.

Маржинализм породил огромное число графических иллюстраций правил или мотивов совершения рыночных сделок, которыми наполнены учебники экономических специальностей. В качестве функции зачастую выступает полезность, а в качестве аргумента – доход, объем продаж или покупок, цена и т.п. Между тем полезность (как и большинство категорий маржинализма) не является наблюдаемой величиной, а сам график зависимости полезности от аргумента являет собой фантазию теоретика! Графическая продукция маржиналистов – спекуляции.

И что в итоге? Что побеждает в споре между полезностью и трудом в вопросе о генезисе блага? В своих «Эссе» В. Леонтьев в 1985-м году, спустя более века после появления первых маржинальных графических схем, констатировал, что «приемлемая теория взаимосвязанного максимизирующего поведения еще только должна быть создана» (Леонтьев, 1990: 55).

Интересно сопоставить маржинализм и методы представлений о свободе выбора, какой несомненно обладают все микроскопически малые частицы материи. Почему маржинализм не применяют химики? Или физики? Если «человеческие молекулы» склонны максимизировать сумму благ, то обычные молекулы «склонны» минимизировать свою полную энергию – в методологическом аспекте ситуация подобна, несмотря на принципиальное отрицание молекулярного поведения людей в гуманитарной науке. – Дело в том, что физики весьма остерегаются ненаблюдаемых величин и склонны всегда оглядываться на эмпирические данные, необходимые для верификации их теоретических фантазий. Например, эмпирической базой для верификации «физического маржинализма» могут выступить спектры излучения и поглощения квантов света, это близкий аналог купли и продажи. Однако теория излучения была успешно построена с применением только наблюдаемых величин. Вот, кстати, удобный случай оценить эффективность маржинализма экономического: его объектом могут быть обменные спектры субъектов с.-э. отношений – распределения актов покупок (или продаж) по цене сделки, мы их приводим во второй части. Уверены в маржинализме – объясните особенности экономических спектров! Важное условие: в конечном результате должны быть только наблюдаемые величины.

Безответственность гуманитарного знания

Методы науки отвечают на вопрос «как исследовать?» На тот же вопрос дает свой ответ сама ответственность. Глубинной методологией любой отрасли знания является ответственность специалистов за качество своей работы. Ответственность как метод должна обеспечить конечный результат – полезность новых знаний для конкретных заказчиков, а также для отрасли, нации, государства, человечества в целом. Полезность науки состоит в том, чтобы понимать и объяснять свой предмет, моделировать и предсказывать его объективные свойства. Иногда на основе полученных знаний удается приближать эти свойства к желаемым. Ответственность предполагает не только результативность, но и неопасность научных знаний. Роль ответственности в науке точно такая, как при производстве любых иных благ: если научная работа выполнена без должной ответственности, она утрачивает ценность или даже становится вредной.

Ответственность является универсальным методом всех известных наук; будучи гуманитарной характеристикой, она каждую отрасль знания делает существенно гуманитарной, внося в нее дух человеческий. По мере воплощенной ответственности можно сравнивать разные отрасли научного знания, которые, казалось бы, сравнению не подлежат. Наверное, читатель согласится с нами, что та мера ответственности, которую демонстрирует гуманитарное знание, является не только недостаточно малой, она вопиюще ничтожная или даже обращена в безответственность!

Какая наука смирилась с незнанием структуры своего предмета и с незнанием содержания внутренних связей? Какая наука настолько не хочет познать закономерное в своем предмете, что даже гордится своим нежеланием? Какая наука не нашла эмпирических феноменов для построения своего фундамента и довольствуется лишь умозрительными гипотезами, не оглядываясь на реальность? Какая наука настолько не уверена в своем предмете, что даже не может составить список того, что она знает, и чего не знает? Какая наука не предложила ни одного уравнения, связывающего ее размерные категории устойчивым образом? Какая наука столетиями игнорирует крупнейшие вопросы, обращенные к ее предмету? – С большим сожалением вынуждены признать, что все это гуманитарная наука. Историческая ирония состоит еще и в том, что социология и экономическая наука не разрабатывают этику своего предмета, утратив (на наш взгляд) даже право называться гуманитарными.

Объективные причины особого статуса гуманитарного знания

Атомарно ли поведение людей?

Мы упоминали, что к середине прошлого века уже вполне сформировался особый статус социологии и экономической науки, который оказался дорогой к их самоизоляции, непродуктивности, идейному кризису. В феномене особого статуса гуманитарного знания мы видим прежде всего объективные причины. Учтем, что объектом гуманитарного знания являются субъекты – индивиды, обладающие волей, личными интересами и целеполаганием, и это обстоятельство изначально настраивало ученых на неполную познаваемость своих объектов и неполную предсказуемость их поведения. Наоборот, ни у

кого не вызывало сомнения, что объекты естествознания (атомы, молекулы, газы и жидкости, плазма и твердые тела) обладают в полной мере воспроизводимыми свойствами и предсказуемым поведением.

Только с появлением квантовой механики был осознан и корпускулярно-волновой дуализм (неустраняемая неопределенность) поведения микрообъектов, и вероятностный характер действия законов естественных наук. Вполне возможно, что в некоторых условиях у атома может быть намного больше вариантов реакции, чем у человека-социального. Таким образом, естествознание со временем приобрело шарм гуманитарности. Напротив, гуманитарные науки так и не научились видеть молекулярность (или атомарность, если вспомнить термин Менделеева) в поведении людей. И тем более они не смогли ее формализовать.

Достаточна ли статистическая значимость?

Учтем, что гуманитарное знание работает, как правило, с небольшим количеством «вещества»: число анализируемых людей, предприятий, предпринимателей обычно начинается от малого числа, например десятка (10), а заканчиваться может на полном числе жителей Земли (10^{10}) как максимум. Конечно, современная физика научилась работать с отдельными атомами, электронами и фотонами. Конечно, современная генетика может анализировать геномы отдельных клеток. Тем не менее, естествознание начиналось с объектов, представленных весьма большим числом атомарных или молекулярных носителей изучаемых свойств. Усреднение и воспроизводимость свойств были надежно гарантированы. Например, когда устанавливались законы состояния и динамики газов, то использовались объемы в десятки и сотни литров. Число газовых молекул при этом в миллионы и миллиарды крат превышало число всех жителей Земли. В социальной науке что ни человек, то как бы особое мнение. Что ни группа людей, то как бы новый социальный класс.

Легко ли изучать предмет, находясь в нем самом?

Учтем, что социологи и экономисты работают как бы внутри исследуемого объекта. Если бы физики имели атомарные размеры и работали внутри исследуемых тел, то вряд ли были бы созданы теории газов и твердого тела. По крайней мере, они создавались бы намного дольше. Трудно посмотреть на свой предмет со стороны, находясь в нем самом. Чтобы обнаружить молекулярность в социальных феноменах, надо иметь удачу абстрагирования от социальной суеты, а она достается редко и немногим.

Возможно ли обобщить уникальное?

Учтем, что подавляющее большинство естественнонаучных процессов допускает неограниченное повторение, радикально упрощающее их изучение. В гуманитарных науках тоже есть регулярно повторяющиеся процессы, например акты купли-продажи товаров массового спроса. В то же время множество с.-э. процессов являются однократными, уникальными. Например, уникальными в значительной мере являются государства и социальные системы. В итоге страдает надежность обобщений.

Пытаясь подражать практичности естествознания

Естествознание не только удивляло строгостью, точностью и надежностью своих законов. Оно показывало короткий путь от новых знаний к их практическим приложениям. Пытаясь подражать естествознанию, гуманитарии (например И. Кант) пытались копировать его структуру. По-видимому, общий настрой гуманитарной науки не изучать социальную природу, а преобразовывать ее для достижения сомнительных целей по наспех придуманным спекулятивным схемам, также возник из желания подражать практичности естествознания. Печальным примером спекулятивности в гуманитарной теории, по нашему мнению, является не только «марксизм-ленинизм», но и современный «буржуазный либерализм». Мичуринский или эдисоновский подход к социальным системам как к объектам для произвольных с.-э. экспериментов не ориентировал специалистов-гуманитариев на изучение объективных свойств и объективных способов самоорганизации общества. Гуманитарии не хотели «учиться у природы».

На содержании у власти

Учтем, что гуманитарное знание финансируется в значительной мере из госбюджетов и востребовано по большей части политическими институтами. По этой причине специалисты гуманитарных наук находятся под идейным давлением со стороны иерархии

государственной власти – это она заказывает и оплачивает «музыку». В итоге в гуманитарной науке, как ни в какой иной, ощущается тенденция «быть в тренде» или «следовать мейнстриму». Современный социолог и экономист в 21-м веке зачастую оказывается таким же зависимым «узником совести», как Галилео в веке 17-м.

Чтобы подчеркнуть масштаб реальной идейной цензуры, напомним некоторые табу, которые налагаются на гуманитариев государственной политикой, правящими партиями и морально-политическими предпочтениями населения. Например, нельзя говорить о неустранимой бедности или о фундаментальности выживания, поскольку бедность принято рассматривать как социальный порок и персональное несчастье, подлежащие преодолению. Нельзя говорить, что средний класс – фиктивная категория, поскольку правящая власть ожидает прироста численности и благополучия конформного среднего класса. Нельзя рассматривать рабочий класс как живой позитивный орган общества, поскольку он исключен из среднего класса за свою бедность и опасную революционность и «должен» исчезать. Было бы очень неудобно говорить о социальном неравенстве порядка сотен тысяч и миллионов крат, поскольку такое неравенство возмутит народ, даже если его и занизить во сто крат. Не приветствуются заключения о фатальных неудачах в демографической и миграционной политиках, поскольку власть хотела бы гордиться именно этим.

Стремительное старение населения России было бы неуместно объяснять роковым распадом семей и падением рождаемости, но следует связывать с успехами правительства по продлению жизни. За проекты возрождения семей можно получить деньги от правительства, а за предсказание их исчезновения можно лишиться должности и чина. В сталинские времена можно было лишиться жизни. В «развитых» странах неуместно осуждать однополые браки и раннее сексуальное просвещение детей как удар по институту воспроизводства населения, поскольку демонстративная сексуальность и гомосексуальность уже рассматриваются как атрибуты свободы личности и прав человека, которые (по мнению власти) важнее и семейной взаимозависимости людей, и воспроизводства населения. В последние годы в «развитых» странах стал опасным научный аспект сексуальных и расовых отношений. В «развивающихся» странах в настоящее время неуместно утверждать, что мир все-таки однополярен, что во главе мировой экономической силы все равно находится какое-то одно государство, а глобализация неотвратимо продолжается.

Повсеместно сформировался культ непогрешимости народа, в результате чего гуманитарии ограничены масштабом изучения его качеств, в т.ч. трудолюбия, ответственности, моральной стойкости и мобилизуемости в кризисных ситуациях. Повсеместно гуманитарии не исследуют проблемы воспитания социально позитивных качеств народа, особенно воспитания ответственности и трудолюбия у новых поколений населения. И т.д., и т.п.

Социальный риск гуманитария

Социальный риск гуманитария, исследующего наиболее «громкие» категории, почти так же велик, как риск еретиков в средние века. Например, несмотря на ошибки Маркса, гуманитарий верит, что эксплуатация рабочего со стороны капиталиста действительно имеет место (мы уже ссылались в этом вопросе на М. Блауга). И зачем ему исследовать эту кровавую тему? – И лавры не заслужишь, и карьеру погубишь. Поэтому гуманитарии крайне редко обращаются к таким неоднозначным социально опасным категориям, как социальная структура, демократия, неравенство, эксплуатация, свобода, справедливость и т.д. Каждый умерший человек, если причина смерти не очевидна или сомнительна, подлежит патологоанатомическому вскрытию. Но к с.-э. проблемам, погубившим миллионы людей, гуманитарии боятся прикоснуться и по свежим следам событий, и по прошествии веков. Ложные или сомнительные установки гуманитарного знания «вскрытию» не подлежат! Скованность гуманитарного знания властью и социальными традициями иногда настолько явная, а его отношение к власти и традициям бывают настолько раболепными, что следует опасаться его перерождения в апологетику.

Почему президенты и премьер-министры стран мира не приглашают лидеров гуманитарных наук «на ковер» и на совещания? Почему не называют их виновниками провалов в гуманитарных сферах или победителями каких-либо с.-э. проблем? Как получилось, что выдающиеся специалисты-социологи и экономисты не привлекаются вовсе или привлекаются редко в качестве ответственных исполнителей или кураторов

крупнейших национальных программ? Почему гуманитарные науки современной России и Украины не формируют повестку дня работы своих правительств в гуманитарной сфере? – В силу их подчиненной зависимой раболопной роли, так надо полагать.

Политизация и фрагментация гуманитарных наук

Мы упоминали, что социология и марксизм родились почти одновременно, а далее, через общеевропейский и всемирный антагонизм сторонников и противников марксизма, социология разделилась на политические блоки, которые радикализировались при появлении СССР, мировой системы социализма, при образовании НАТО и Варшавского договора, а также в ходе холодной войны США и СССР. О разделении социологии мы говорим в широком смысле, памятуя о довольно долгом запрете социологии в СССР, но и учитывая, что марксизм сейчас – это течение в современной с.-э. науке. Политизированная полемика «буржуазного либерализма» и «марксизма-ленинизма», происходившая в течение всего 20-го века, сейчас воспринимается как обоюдно фальшивая, и в строгом смысле как не научная.

Гуманитарное знание, выросшее как дитя в недружной семье, выработало толерантность к разногласию специалистов в самых существенных вопросах. Фактически в этом тоже заключен его особый статус. Возникла традиция не добиваться истины в горячих столкновениях теорий, моделей и концепций, не апеллировать к опыту как верховному судье, а взаимовыгодно совмещать несовместимое. Подчеркнем: фрагментация с.-э. знания своей фундаментальной причиной имеет его неэмпирический характер, не позволяющий отделить адекватные и не адекватные концепции и склоняющих исследователей к «единству противоположного». Мираж среднего класса и неясность структуры вообще, лукавые схемы оценки неравенства, маскировка проблемы эксплуатации неспроста возникли и поддерживались в среде экономистов и социологов. Наверное не удивительно, что после распада СССР политизированность и непротивление ложному сохранились, они были проблемой гуманитарной науки, а стали ее традицией.

Нет сомнения, что в наше историческое время, когда происходит смена мировых экономических лидеров, конфликтующие государства и далее будут склонять гуманитарную науку к обслуживанию своих политических интересов, и вряд ли она устоит. Но даже в этих условиях мелкая фрагментация с.-э. знания, к сожалению, тоже сохранится. Мировая гуманитарная наука как плодотворное дружное конкурентное сообщество исследователей объективных социальных феноменов определенно не состоялась и являет собой скорее недружественные несоюзные политизированные группы, блоки, школы, течения. Аналитики и историки с.-э. мысли насчитывают их уже многими десятками. Гуманитарные науки уже более столетия живут в состоянии идейной и организационной фрагментации, немислимой для объективных эмпирических наук.

Какие базы данных, такая и наука

Учтем дезориентирующий выбор эмпирических с.-э. данных. Почти всегда они безнадежно агрегированы, зачастую мелки и второстепенны, порождают ложные цели, тупики и порочные круги в гуманитарной науке.

Например, большие усилия экономистов были направлены на теорию цены, но они не завершились однозначным результатом – то ли цена формируется от затрат производителя, то ли от эффективности у потребителя. Парадокс теории цен, по нашему мнению, может быть решен только по итогам признания принципиальной неоднородности общества, поскольку способ ценообразования должен быть разным для благ, потребляемых разными с.-э. группами. Такого рода статистика в настоящее время отсутствует. Ценообразование должно получить разные эмпирические БД и разные теоретические модели.

Например, большие усилия социологов были направлены на создание теории социальных действий, но они не завершились созданием хоть сколь-нибудь практических моделей. По нашему мнению, категория содействий может быть формализована прежде всего в рамках трудовой коллективной активности людей, а в этой сфере с.-э. анализа катастрофически мало эмпирических данных.

Например, теория капитала как социально значимого накопления в гуманитарной науке формируется около трех столетий, и нельзя сказать, что безрезультатно. Тем не менее, она не стала сквозной от человеческого капитала к промышленному и финансовому. Она не различает капиталы и ресурсы и не уверена, как соотносятся капиталы и порождаемые ими

потоки благ. По нашему мнению, и здесь прорывными могут быть эмпирические феномены распределения субъектов бизнеса по капиталам и ресурсам, с которыми в настоящее время не знакомы экономисты и социологи.

Во второй части нашей публикации мы намерены представить и обсудить эмпирические данные, восприятие, описание и объяснение которых посредством математических моделей способно преобразить гуманитарную науку.

3. Заключение

Мы обсудили проблемы непонимания гуманитарным знанием центральных феноменов общества, прежде всего социальной структуры и содержания с.-э. отношений. В основании гуманитарной науки мы не обнаружили базовых эмпирических феноменов, а в ее рамках отсутствуют фундаментальные исследования, которые выявили бы устойчивые соотношения узловых категорий. Социология и экономическая наука самоустранились от разработки этики своего предмета, строго говоря, утратив право называться гуманитарными. Мы убедились, что гуманитарная наука склонна игнорировать исторические вызовы – главные вопросы социального бытия. Гуманитарная наука породила неуловимые ненаблюдаемые маргиналистские категории, ложные бесполезные категории среднего класса, децильного неравенства и неравенства по Джини, парадоксальные категории прожиточного минимума, порога бедности, минимальной зарплаты, социальной энтропии как меры хаоса. Она ослепила себя методологией агрегирования и в упор не видит то, что отчетливо различает обыденное сознание – объективную неустранимую бедность, конструктивный рабочий класс, бесконечно богатую власть, позитивное сотрудничество и негативную эксплуатацию. Не уверенная в главном и не объективная, она стала фактическим участником холодной войны идеологий. Подыгрывая современным предпочтениям общественного мнения, гуманитарная наука оказалась неспособной соразмерить персональную свободу с общественной необходимостью, права сексуальных меньшинств и органов ювенальной юстиции с правами традиционных семей, демократии с авторитарностью и тем самым идейно обезоружила общество. Рассматривая с.-э. эволюцию как восхождение, она способствует делению стран, народов и исторических эпох на развитые и неразвитые, прогрессивные и отсталые, создавая обоснования для войн, интервенций, исторического нигилизма. Гуманитарная наука оказалась неспособной объяснять состоявшиеся этапы развития общества и предсказывать этапы его дальнейшей эволюции, в т.ч. отстранилась от теоретического описания и анализа роковых последствий всемирного демографического перехода – самого крупного и самого трагичного события в современной истории человечества. Гуманитарные науки создают видимость бурного научного процесса при ничтожной ответственности за понимание с.-э. реальности. По-видимому, настало время отчетливо сказать, что гуманитарный «король» все-таки гол.

Литература

Антонов, 2007 – Антонов А.И. Исторические изменения семьи как социального института, Глава 5. Социология семьи: Учебник / Под ред. проф. А.И. Антонова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2007. 640 с.

Блауг, 1994 – Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / Пер. с англ., 4-е изд. М.: «Дело Лтд», 1994. 720 с.

Блауг, 2004 – Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют / Пер. с англ., науч. ред. и вступ. ст. В.С. Автономова. М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. 416 с.

Бьюкенен, 1997 – Бьюкенен Д.М. Сочинения. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1. / Пер. с англ., гл. ред. кол.: Нуреев Р.М. и др. М.: «Таурис Альфа», 1997. 560 с.

Википедия, 2019 – Википедия, статья «Доходы населения России». [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Доходы_населения_России (дата обращения: 20.08.2020).

Вишневский, 2012 – Вишневский А.Г. В демографической истории такого еще не было // *Химия и жизнь*. 2012. №4.

Гидденс, 2005 – Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структурации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.

- Гранберг, 2006** – Гранберг А.Г. Василий Леонтьев в мировой и отечественной экономической науке // *Экономический журнал ВШЭ*. 2006. №3. С. 471-491.
- Ершов, 1997** – Ершов С.А. Великая Русь. Народонаселение и войны I – XX в.в., СПб: АОЗТ «Феникс-Плюс», 1997. 399 с.
- Ковалев, 2018** – Ковалев А.В. Экономическая теория: назад в будущее? // *ВТЭ*. 2018. №2. С. 47-57.
- Леонтьев, 1990** – Леонтьев В. Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1990. 415 с.
- Лощинин и др., 2016** – Лощинин М., Привалов Ю. Модели социального капитала и его измерение, Раздел 3, §3.3 // *Социальный капитал: теория и практика* / Отв. ред. Ю. Саенко. К.: Ліга-Прес, 2016. 252 с.
- Медков, 2002** – Медков В.М. Демография: Учебное пособие. Ростов-на-Дону: «Феникс», 2002. 448 с.
- Медков, 2006** – Медков В.М. Ожидаемое будущее или романтические мечтания? [Электронный ресурс]. URL: <http://civilg8.ru/5918.php> (дата обращения: 20.08.2020).
- Менделеев, 1995** – Менделеев Д.И. Заветные мысли: Полное издание. М.: Мысль, 1995. 413 с.
- Мизес, 2001** – фон Мизес Л. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции / Пер. с англ. под ред. проф. А.Г. Грязновой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 295 с.
- Парето, 2008** – Парето В. Компендиум по общей социологии / Пер. с итал. А.А. Зотова; науч. ред., предисл. к рус. изд., указ. имен М. С. Ковалёвой; науч. консульт. Н.А. Макашѐва; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
- Рих, 1996** – Рих А. Хозяйственная этика / Пер. с нем. под общ. ред. В.В. Сапова. М.: Российский филиал изд-ва «Посев», 1996. 816 с.
- Сажин, 2002** – Сажин М.В. Современная космология в популярном изложении. М.: Едиториал УРСС, 2002. 240 с.
- Смит, 2000** – Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // Петти В., Смит А., Рикардо Д., Кейнс Дж., Фридмен М. Классика экономической мысли: Сочинения. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 896 с.
- Соколова, 2007** – Соколова Г.В. Социология семьи в России, Глава 4 // *Социология семьи: Учебник* / Под ред. проф. А.И. Антонова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2007. 640 с.
- Сорокин, 2005** – Сорокин П.А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М.В. Соколовой. Под общей ред. В.В. Сапова. М.: Academia, 2005. 558 с.
- Трубников, 1993** – Трубников Б.А. Конкуренция в природе и обществе // *Природа*. 1993. №11. С. 3-13.
- Ojovan et al, 2015** – Ojovan M.I., Loshchinin M.B. Heuristic paradoxes of S.P. Kapitsa Theoretical Demography // *European Researcher*. 2015. Vol. 92. Is. 3. Pp. 237-248.
- Privalov et al, 2016** – Privalov Yu.A., Ojovan M.I., Loshchinin M.B. The Phenomenon of Locked Survival. *European Researcher. Series A*. 2016. Vol. 106. Is. 5. Pp. 293-314.
- Romer, 2016** – Romer P. Troubles with Macroeconomics. 26 p. [Electronic resource]. URL: <https://paulromer.net/wp-content/uploads/2016/09/WP-Trouble.pdf> (date of access: 20.08.2020). [in Russian]
- Rozen, 2002** – Rosen S. Markets and Diversity // *The American Economic Review*. March 2002. Vol. 92. № 1. Pp. 1-16.

References

- Antonov, 2007** – Antonov, A.I. (2007). Istoricheskie izmeneniya sem'i kak sotsial'nogo instituta, Glava 5. Sotsiologiya sem'i: Uchebnik [Historical changes of the family as the social institute, Chapter 5. Sociology of the Family: Textbook]. Pod red. prof. A.I. Antonova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: INFRA-M. 640 p. [in Russian]
- Blaug, 1994** – Blaug, M. (1994). Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive [Economic thought in retrospect]. Per. s angl., 4-e izd. M.: «Delo Ltd». 720 p. [in Russian]

- Blaug, 2004** – *Blaug, M.* (2004). Metodologiya ekonomicheskoi nauki, ili Kak ekonomisty ob'yasnyayut [The methodology of economics or how economists explain]. Per. s angl., nauch. red. i vstup. st. V.S. Avtonomova. M.: NP «Zhurnal Voprosy ekonomiki». 416 p. [in Russian]
- B'yukenen, 1997** – *B'yukenen, D.M.* (1997). Sochineniya [Compositions]. Seriya: «Nobelevskie laureaty po ekonomike». T. 1. Per. s angl., gl. red. kol.: Nureev R.M. i dr. M.: «Taurus Al'fa». 560 p. [in Russian]
- Ershov, 1997** – *Ershov, S.A.* (1997). Velikaya Rus'. Narodonaselenie i voyny I – XX vv. [Great Russia. Population and wars I – XX centuries]. SPb: AOZT «Feniks-Plyus». 399 p. [in Russian]
- Giddens, 2005** – *Giddens, E.* (2005). Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii [The constitution of society: essay on the theory of structuration]. 2-e izd. M.: Akademicheskii Proekt. 528 p. [in Russian]
- Granberg, 2006** – *Granberg, A.G.* (2006). Vasilii Leont'ev v mirovoi i otechestvennoi ekonomicheskoi nauke [Vasilii Leont'ev in world and national economic science]. *Ekonomicheskii zhurnal VShE*. 3: 471-491. [in Russian]
- Kovalev, 2018** – *Kovalev, A.V.* (2018). Ekonomicheskaya teoriya: nazad v budushchee? [Economic Theory: Back to the Future?]. *VTE*. 2: 47-57. [in Russian]
- Leont'ev, 1990** – *Leont'ev, V.* (1990). Ekonomicheskie esse. Teorii, issledovaniya, fakty i politika [Essays in Economics. Theories, theorizing, facts, and policies]: Per. s angl. M.: Politizdat. 415 p. [in Russian]
- Loshchinin i dr., 2016** – *Loshchinin, M., Privalov, Yu.* (2016). Modeli sotsial'nogo kapitala i ego izmerenie, Razdel 3, §3.3 [Models of social capital and its measurement, Part 3, §3.3]. Sotsial'nyi kapital: teoriya i praktika. Otv. red. Yu. Saenko. K.: Liga-Pres. 252 p. [in Russian]
- Medkov, 2002** – *Medkov, V.M.* (2002). Demografiya: Uchebnoe posobie [Demography: Textbook]. Rostov-na-Donu: «Feniks». 448 p. [in Russian]
- Medkov, 2006** – *Medkov, V.M.* (2006). Ozhidaemoe budushchee ili romanticheskie mechtaniya? [Expected future or romantic dreams?]. [Electronic resource]. URL: <http://civilg8.ru/5918.php> (date of access: 20.08.2020). [in Russian]
- Mendelev, 1995** – *Mendelev, D.I.* (1995). Zavetnye mysli: Polnoe izdanie [Cherished Thoughts: Complete Edition]. M.: Mysl'. 413 p. [in Russian]
- Mizes, 2001** – *fon Mizes, L.* (2001). Teoriya i istoriya: Interpretatsiya sotsial'no-ekonomicheskoi evolyutsii [Theory and history: an interpretation of social and economic evolution with a new preface by Murray N. Rothbard]. Per. s angl. pod red. prof. A.G. Gryaznovoi. M.: YuNITI-DANA. 295 p. [in Russian]
- Ojovan et al, 2015** – *Ojovan, M.I., Loshchinin, M.B.* (2015). Heuristic paradoxes of S.P. Kapitsa Theoretical Demography. *European Researcher*. 92(3): 237-248.
- Pareto, 2008** – *Pareto, V.* (2008). Kompendium po obshchei sotsiologii [Compendium on General Sociology]. Per. s ital. A.A. Zotova; nauch. red., predisl. k rus. izd., ukaz. imen M.S. Kovalevoi; nauch. konsul't. N.A. Makasheva; Gos. un-t – Vysshaya shkola ekonomiki. 2-e izd. M.: Izd. dom GU VShE. 511 p. [in Russian]
- Privalov et al, 2016** – *Privalov Yu.A., Ojovan M.I., Loshchinin M.B.* (2016). The Phenomenon of Locked Survival. *European Researcher. Series A*. 106(5): 293-314.
- Rikh, 1996** – *Rikh, A.* (1996). Khozyaistvennaya etika [Economic Ethics]. Per. s nem. pod obshch. red. V.V. Sapova. M.: Rossiiskii filial izd-va «Posev». 816 p. [in Russian]
- Romer, 2016** – *Romer, P.* (2016). Troubles with Macroeconomics. 26 p. [Electronic resource]. URL: <https://paulromer.net/wp-content/uploads/2016/09/WP-Trouble.pdf> (date of access: 20.08.2020). [in Russian]
- Rozen, 2002** – *Rosen, S.* (2002). Markets and Diversity. *The American Economic Review*. March. 92(1): 1-16. [in Russian]
- Sazhin, 2002** – *Sazhin, M.V.* (2002). Sovremennaya kosmologiya v populyarnom izlozhenii [Modern cosmology in a popular presentation]. M.: Editorial URSS. 240 p. [in Russian]
- Smit, 2000** – *Smit, A.* (2000). Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov [A Study on the nature and causes of the wealth of nations]. Petti V., Smit A., Rikardo D., Keins Dzh., Fridmen M. Klassika ekonomicheskoi mysli: Sochineniya. M.: Izd-vo EKSMO-Press. 896 p. [in Russian]

[Sokolova, 2007](#) – *Sokolova, G.V.* (2007). *Sotsiologiya sem'i v Rossii*, Glava 4 [Sociology of the family in Russia, Chapter 4]. *Sotsiologiya sem'i: Uchebnik*. Pod red. prof. A.I. Antonova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: INFRA-M. 640 p. [in Russian]

[Sorokin, 2005](#) – *Sorokin, P.A.* (2005). *Sotsial'naya mobil'nost'* [Social mobility]. Per. s angl. M.V. Sokolovoi. Pod obshchei red. V.V. Sapova. M.: Academia. 558 p. [in Russian]

[Trubnikov, 1993](#) – *Trubnikov, B.A.* (1993). *Konkurentsia v prirode i obshchestve* [Competition in nature and society]. *Priroda*. 11: 3-13. [in Russian]

[Wikipediya, 2019](#) – Wikipediya, stat'ya «Dokhody naseleniya Rossii» [Wikipedia, article “Incomes of the Russian population”]. [Electronic resource]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Dokhody_naseleniya_Rossii (date of access: 20.08.2020). [in Russian]

[Vishnevskii, 2012](#) – *Vishnevskii, A.G.* (2012). *V demograficheskoi istorii takogo eshche ne bylo* [Such hasn't happened in demographic history]. *Khimiya i zhizn'*. 4. [in Russian]

Как социологию и экономическое знание вернуть в семью объективных наук? Критика современного состояния гуманитарного знания. Часть I

Юрий Привалов ^a, Михаил Ожован ^{b, *}, Михаил Лощинин ^c

^a Центр социальных экспертиз, Институт социологии Национальной Академии наук Украины, Киев, Украина

^b Имперский Колледж Лондона, Лондон, Великобритания

^c Центр социальных экспертиз, Институт социологии Национальной Академии наук Украины, Киев, Украина

Аннотация. Социально-экономическая наука не выявила объективную структуру общества: не признала и не изучает объективную неустранимую бедность, игнорирует рабочий класс, не установила объективные свойства иерархии власти, не нашла объективные границы между бедностью и достатком, между достатком и роскошью, что дискредитирует социальную политику государств. Социальная наука навязывает обществу субъективные критерии бедности, фиктивную категорию среднего класса и ложные параметры неравенства, призванные не выявлять, а маскировать огромные социальные проблемы. Гуманитарная наука не выяснила содержание социально-экономических отношений, в том числе не решила проблему эксплуатации, принесшую миру неисчислимы жертвы. Социально-экономическая наука самоустранилась от разработки этики, фактически утратив право называться гуманитарной.

Социально-экономическое знание ограничило себя особым статусом и самоизолировалось от семьи объективных наук, не нашло базисных эмпирических феноменов и в итоге оказалось бесплодной неэмпирической отраслью. В рамках гуманитарной науки отсутствуют фундаментальные исследования, направленные на выяснение соотношений узловых категорий и общих закономерностей, в том числе топологии социально-экономического пространства, незнание которого разрушительно для развитого знания. В гуманитарной науке нет теорий наиболее нагруженных категорий, включая семью, капитал и капитализм, в ней нет ни одной аналитической формулы, где размерные категории были бы связаны устойчивым образом. Социально-экономическое знание не развило теории социальной эволюции и оказалось неспособным понять феномены исторического распада трудовых общностей и демографического перехода – самых трагичных событий в современной истории человечества.

Ключевые слова: социология и экономическая наука, кризис, эмпирические основания, нерешенные задачи.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: m.ozovan@imperial.ac.uk (М. Ожован), pyacsep@gmail.com (Ю. Привалов), loshchinin.m.b@mail.ru (М. Лощинин)